Заколдованный лес

Паучья Королева

Дж. Э. УАЙТ

Дж. Э. Уайт

Паучья Королева

Серия «Заколдованный лес», книга 4

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57182776
Паучья Королева / Дж.Э. Уайт ; иллюстратор Андреа Оффермann:
Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-099042-9

Аннотация

Колдунью Риготт увенчали короной и называют Паучьей Королевой, но ей всё мало. Она мечтает о большем: задуть солнце, будто свечку, или поднять в небо целый город и перевернуть его вверх тормашками! Она жаждет повелевать целым Миром! Только чтобы обрести могущество, ей не хватает сущего пустяка – гримуара принцессы Евангелины… Известно, что именно с его помощью маленькая принцесса натворила немало бед и даже уничтожила собственное королевство. К слову, сама Риготт сыграла в этом спектакле не последнюю роль. Но это было так давно, с тех пор проклятой книгой никто не интересовался до сегодняшнего дня! Неужели история скоро повторится?

Содержание

Пролог 5
Книга первая 21
1 22
2 34
3 45
4 65
5 79
6 93
Конец ознакомительного фрагмента. 103

Дж. Э. Уайт
Паучья Королева

Гоффинам:
Ким, Винни, Эндрю,
Мэттью и Хэйли.

Пролог

Мартэй покрепче стиснул рукоять своего слёзного меча и приготовился умереть. Теперь уже недолго. Знаменитые стеклянные стены цитадели Та-мен прочны, как камень, но натиска тварей Паучьей Королевы им долго не выдержать. Мартэй видел, как они кишат снаружи, пробуя здание на прочность. Витражные стёкла искажали чудовищные фигуры, создавая немыслимо высокие силуэты с кривыми когтями и клыками, похожими на сталактиты.

«А может, это вовсе не искажение, – подумал Мартэй. Может, они и в самом деле так выглядят».

Он не впервые задался вопросом, как же так вышло, что

он очутился здесь. Мартэй ведь никогда не хотел сделаться солдатом, не то что старшие братья. Он с детства мечтал о том, чтобы пойти в ученики к мастеру-стеклодуву и постичь все тайны, благодаря которым Люкс сделался самой богатой областью Сентиума. Однако его семья оказалась не настолько влиятельной, чтобы обеспечить ему желанное место. И, за неимением другого выбора, Мартэй записался в городскую стражу. Поначалу-то это была совсем неплохая жизнь. Тамен-Бриль – город мирный, и монотонная муштра и дежурства казались не такой уж великой ценой за благополучие Йонды и их малышки Викс. Ну да, детские мечты Мартэя так и остались мечтами, но в глазёнках дочери он обрёл новый смысл.

А потом весь их мир взял и рухнул.

Поначалу это были лишь слухи, и отмахнуться от них ничего не стоило. «Прекрасная колдунья с глазами как битое стекло. Кошмарные монстры. Целые города исчезают в одну ночь». Однако по мере того как Паучья Королева продвигалась всё дальше, пополняя ряды своей армии всё большим количеством ведьм, отрицать её существование становилось всё труднее. После того как Тимоф Клэн, предводитель воинства серых плащей, чуть было не погиб в яростной битве с нею там, далеко на севере, её армию видели в самых глухих местах: в шахтёрском городке, напрочь заросшем соснами; в последней оставшейся Ледяной Топи; среди руин сгоревшего древнего собора.

Риготт что-то искала.

Кураторы Люкса собрались в цитадели Та-мен и обратились к забытым текстам, написанным на мёртвых языках, в отчаянной попытке выяснить, что же так нужно их новому врагу. В результате исследований из подземных хранилищ достали небольшую шкатулку и поместили её под неусыпную охрану. Мартэй и сейчас видел эту шкатулку на другом конце зала, на высоком постаменте. Шкатулка была круглая, из красного носидиана, редкого и практически неуничтожимого кристалла, который формируется столетиями.

У шкатулки не было ни крышки, ни замочной скважины. Она явно не была рассчитана на то, чтобы её открывали.

По слухам, в шкатулке хранилась одна из четырёх частей древнего оружия, что звалось «Вулькера». Что это за оружие, какова его природа – не знал никто, известно было только, что, если четыре его части снова соединятся, это наделит Паучью Королеву невообразимым могуществом. Ещё полгода назад Мартэй бы только посмеялся над подобной идеей. Но с тех пор магия вырвалась из сказок и вплелась в ткань их бытия. И теперь легендами и мифами пренебрегать было нельзя, какими бы фантастическими они ни казались.

Шкатулку надо было спасти от Риготт любой ценой.

Цитадель содрогнулась от оглушительного грохота – что-то ударило снаружи в высокие двери. Мартэй услышал, как стоящий справа солдатик – сын гибщика зеркал, если он правильно помнил, – невольно всхлипнул.

– Держись, парни! – вскричал верховный мечник Беллами, здоровенный, как медведь, дядька, с такой окладистой бородой, что там запросто можно было спрятать птичье гнездо. – Приказов не забывать!

Двери вздрогнули от нового удара.

Мартэй весь напрягся, готовясь к схватке. Солдат у него за спиной бормотал молитву себе под нос.

– Оружие к бою! – рявкнул Беллами.

Мартэй обнажил свой бирюзовый слёзный меч, чудо ковки по стеклу, прочный как сталь, но вдвое легче. Вылетая из ножен, клинок издал хрустальный звон. Мечник из Мартэя был в лучшем случае так себе, но седовласый ветеран по прозвищу Два Пальца заверил его, что мастерство имеет значение только на плацу. А в настоящем бою жизнь и смерть зависят лишь от инстинктов и удачи. Не сказать, чтобы сейчас это сильно утешало.

Через голову сына гибщика, который теперь уже не всхлипывал, а тихо плакал, Мартэй увидел, как среди чудищ, теснящихся вокруг внешних стен цитадели, появились новые фигуры, с виду человеческие.

Все новоприбывшие одновременно раскрыли книги, которые держали в руках.

– Г-г-гримуары, – выдавил сын гибщика, проследив направление взгляда Мартэя. Глаза у него метались, как искры, летящие с наковальни. – Вот как они называются. Мне коробейник рассказывал, который побывал на развалинах Гиль-

дефройда. Он мне порассказал, что там произошло – что может натворить такая книжица в руках девицы, которая…

Высокие двери загрохотали ещё сильнее: как будто могучая буря отрастила себе руки и выучилась толкать. Солдаты изготовились к бою. Верховный мечник Беллами выкрикивал приказы. Люстра из мерцающего оскольчатого стекла раскачивалась из стороны в сторону, и зал то озарялся светом, то погружался во мрак.

«Вот они!» – подумал Мартэй, ожидая, что двери вот-вот распахнутся и в зал хлынет воинство Риготт. Он изо всех сил стиснул меч, представил себе лицо дочурки и…

Их атаковали с боков.

Мартэй только потом, восстанавливая в памяти случившееся, сообразил, как так вышло. Пока всё внимание солдат было приковано к дверям, монстры Риготт при помощи магии проникли сквозь внешние стены и ворвались в цитадель. Последовавшая за этим битва – если это вообще можно назвать битвой – закончилась за считаные минуты. Чудища Паучьей Королевы окружили захваченных врасплох солдат, точно смертная мгла, и не оставили после себя ничего, кроме трупов в доспехах.

Мартэй очнулся на полу. По животу расползалось мокрое пятно. То ли его укусили, то ли когтём пронзили, то ли рогом… Всё произошло слишком быстро, он даже не успел осознать, что случилось. Он ощупал свою рану – рука неотвратимо окрасилась в алый цвет.

Двери распахнулись. В зал вплыла Риготт.

Её красота – неоспоримая, но пугающая – восхищала, словно пикирующий ястреб или пылающий костёр. На ней было безупречно-белое платье и перчатки до самых локтей. Её потрескавшиеся глаза переливались всеми цветами радуги, точно разбитый витраж, который некий безумец собрал как попало.

Вслед за нею в цитадель вступили три девочки. Две из них были неотличимы друг от друга: со странными, сизыми волосами и глазами, холодными, как полированные лунные камни. Третья чуть младше, с тёмным цветом кожи и беспокойным взглядом. Когда она увидела бойню в холле, губы у неё затряслись, точно она вот-вот разрыдается, но тут Риготт взглянула в её сторону – и лицо девочки застыло бесстрастной маской. Она пожала плечами, словно все эти смерти ничего для неё не значили.

«Делает вид, будто она такая же, как они, – подумал Мартэй. – Зачем?»

Риготт устремила взгляд на красную шкатулку в конце зала.

– Я отсюда чувствую силу грима! – сказала она и зашагала в ту сторону.

Похожие на кабанов чудища с обсидиановыми клыками расшвыривали тела, что лежали на пути Риготт, прокладывая узкую дорожку из одного конца цитадели в другой. Чьи-то зубы вонзились Мартэю в ногу и поволокли его в сторо-

ну. Он закусил губу, сдерживая крик, и заставил себя полностью обмякнуть, притворяясь мёртвым. Как только тварь отпустила его, Мартэй приоткрыл глаза, совсем чуть-чуть, и стал наблюдать за ведьмами сквозь ресницы.

– Все вон, – велела Риготт.

Зал снова наполнился движением: чудовища ринулись к выходу. Младшая девочка хотела было присоединиться к внезапному исходу, однако осколочные глаза Паучьей Королевы впились в неё, будто клещами.

– Все, кроме тебя, Сафи. Нам надо кое-что обсудить.

Зал опустел. Девочка осталась стоять с опущенной головой. Последними удалились близнецы, шагая чётко в ногу. Прежде чем затворить за собой высокие двери, они остановились, оглянулись на Сафи и обменялись понимающими улыбками.

В холле воцарилась гробовая тишина.

– Как печально, что нас сюда привели слухи и сплетни, а не одно из твоих видений, – сказала Риготт.

Сафи следовала за Паучьей Королевой, оставаясь на несколько шагов позади. С виду она держалась почтительно, однако Мартэй заметил её руку, замершую на гримуаре, заткнутом за пояс.

«Хочет, чтобы он был наготове на случай, если вдруг понадобится», – понял он.

– Я понимаю, что не оправдала ваших ожиданий, моя королева, – ответила Сафи, – но…

– Быть может, если бы мы искали один-единственный гримуар, я сочла бы твой промах… ну, не скажу приемлемым, но хотя бы понятным. Иголка в стоге сена и так далее. Но ведь мы же искали не один гримуар! «Вулькера», как тебе прекрасно известно, разделена на четыре части, четыре грима. И уж конечно, за это время ты могла бы отыскать хотя бы один из них!

– Я уже близка к этому, – ответила Сафи. – Второй грим где-то неподалёку отсюда. Мне было видение прошлой но…

– Где?!!

– Мне нужно ещё немного времени.

– Ты и раньше так говорила! Ты постоянно твердишь одно и то же!

– Но мне же никогда раньше не приходилось управлять своими видениями, – оправдалась Сафи. – Неудивительно, что я иногда ошибаюсь!

– Не иногда, – отрезала Риготт. – Ты уже целый год таскаешь нас по всему Сентиуму. Если бы я не знала, что это невозможно, я могла бы заподозрить, что ты нарочно мне врёшь и тянешь время, чтобы твоя настырная подружка успела сама отыскать гримы!

Мартэй затаил дыхание: ведьмы прошли аккурат рядом с его головой. Их каблуки звонко цокали по каменному полу.

– Кара Вестфолл мне никакая не подруга! – возразила Сафи. – Я же могла ей помочь тогда, у гробницы Клэна, но нет, я осталась на вашей стороне. Я служу вам и никому друго-

му. Это правда, и вы это знаете – ведь вы были внутри моего разума!

Сафи изо всех сил старалась говорить твёрдо и уверенно, но Мартэю было слышно, что её голос испуганно дрожит.

– О да! И что это за удивительный разум! – сказала Паучья Королева. – Ни тени предательства, и даже ни капли сомнения! Каждая мысль – образец безупречной преданности!

Она погладила Сафи по голове запястьем руки, затянутой в перчатку.

– И подумать только, что некогда ты была моим врагом! Такая перемена – это просто… просто невероятно.

Мартэй рискнул чуть повернуть голову, чтобы лучше видеть – и оказался лицом к лицу с сыном гибщика. На лице юноши застыло слегка изумлённое выражение, как будто смерть стала для него сюрпризом, но не сказать, чтобы неприятным. Мартэй пожалел, что так и не узнал, как его зовут.

«Сколько ещё люксианцев погибло сегодня? А сколько ещё погибнет, пока она будет жить?»

Ярость заставила Мартэя забыть про боль в ране. Он медленно поднялся на ноги. В конце зала Паучья Королева, стоя к нему спиной, рассматривала шкатулку. Она провела рукой над крышкой, и с кончиков её пальцев дождём посыпались полупрозрачные червячки. Их кислотные тела без труда прожигали носидиан. От шкатулки валил чёрный дым.

«Вот он, мой шанс! – подумал Мартэй, подкрадываясь

ближе. – Пока она отвлеклась!»

Риготт медленно стянула перчатки. Мартэй был уже близко, и заметил, что одна рука у неё – опухшая и уродливая, с багровым волдырём на ладони, словно от укуса. Она опустила здоровую руку в дыру, проеденную червями, и вытащила прямоугольную кожаную обложку. Та была розовая, с вытисненными на ней цветочными лепестками. Если бы Мартэй увидел содержимое шкатулки ещё вчера, то подумал бы, что кураторы, наверное, ошиблись. Не может этот кусок кожи быть оружием. Но теперь он знал, что ещё как может.

«Это обложка гримуара!»

– Я чувствую, как могущество струится в ней, точно подземная река! – сказала Риготт. – А ведь это всего лишь один грим. Когда я завладею всеми четырьмя…

Она обернулась к Сафи. Её губы скривились в жестокой усмешке.

– Я знаю, что ты лжёшь мне о своих видениях, Сафи. Ты каким-то образом научилась скрывать свои подлинные мысли, но ненависти в глазах ты скрыть не можешь! Ты нарочно пытаешься не допустить меня к моей книге!

Сафи попятилась, сжимая свой гримуар уже обеими руками.

– Ну что за глупости, моя королева! – дрожащим голосом возразила она. – Я хочу лишь быть вашей преданной…

Риготт отмахнулась от всех её оправданий.

– Это не твоя вина! Ведь вся твоя жизнь была построена

на обмане. «Делай то, что должно», «Помогай ближним»… Но ведь в этом нет никакой радости, одно лишь раболепное преклонение перед ложными идеалами. Люди жаждут уничтожать друг друга! Ты оглянись по сторонам. Что ты думаешь, все эти мечи и луки придуманы для поддержания мира? Ну да, как же! Люди изобрели войны, чтобы иметь возможность убивать сколько хочется и называть это «честью»! Я, по крайней мере, своих намерений не скрываю. Я убиваю потому, что мне это нравится.

Мартэй сделал ещё шаг – Риготт вскинула голову, точно олень, заслышавший в кустах хищника. Он так и застыл, в полной уверенности, что она сейчас обернётся и положит конец его жалкой попытке. Но ведьма продолжила говорить так, будто ничего не случилось. Мартэй едва не потерял сознание от облегчения.

«Ещё чуть-чуть!» – подумал он, продвигаясь вперёд. Руки у него тряслись, ему стоило огромного труда не волочить свой слёзный меч по полу. Кровь текла не останавливаясь, он слабел с каждой секундой.

– Когда «Вулькера» будет вновь собрана воедино, – говорила Риготт, – моя власть распространится на все умы разом, подобно лунным лучам. Что за дар я им принесу! Все люди наконец-то осознают, что «любовь» и «сострадание» – не что иное, как ложь. Они наконец-то поддадутся своей страсти к насилию и станут теми чудовищами, какими и должны были быть изначально. Нас ждёт новый, лучший мир, Сафи. А уж

с твоей помощью или без неё – неважно.

Мартэй наконец-то подступил на расстояние удара.

«Ну!»

Он занёс меч, напряг руки, собираясь одним взмахом снести голову Паучьей Королеве. И не смог. Нечто холодное и чуждое вторглось в его разум. Он так и застыл на месте, не в силах шелохнуться. Риготт насмешливо обернулась, словно он был невоспитанным мальчишкой, который попытался пнуть её в лодыжку.

– С чего это тебе вздумалось геройствовать, когда ты совершенно не годишься в герои? – осведомилась она, всего на миг отведя взгляд от юной ведьмы.

Этого оказалось довольно.

Сафи увидела возможность, которой во второй раз могло и не представиться, схватила грим и помчалась к высоким дверям позади пьедестала.

«Куда же ты? – мысленно воскликнул Мартэй. – Там ведь ждёт воинство Риготт! Бежать некуда!»

Но тут он увидел, что девочка и не собиралась бежать через дверь, созданную человеческими руками. Она на бегу раскрыла книгу заклинаний и принялась читать странные слова на языке, не похожем ни на один другой. Всего в нескольких шагах от неё распахнулся магический портал, затянутый фиолетовой дымкой. Сафи сделала последний рывок и подпрыгнула в воздух, собираясь нырнуть в него головой вперёд. Её протянутые руки исчезли в фиолетовой дым-

ке…

Дальше уйти ей не удалось.

Раздался громкий треск, как от падающего дерева, и из каменного пола вздыбилась гигантская рука, перехватившая Сафи в воздухе. Её собственный гримуар выпал у неё из рук вместе с розовым гримом.

Из тёмных углов цитадели выступили близнецы. Мартэй удивился, когда же они успели вернуться. Или они на самом деле не уходили? Он понял, что всё это был план, задуманный, чтобы изобличить юную ведьму как предательницу.

– Вот так сюрприз! – холодно произнесла Риготт. Одна из близняшек подбежала и вернула ей грим. – Значит, наша маленькая провидица не так верна, как казалось. Надо же, какой дар пропадает впустую!

Она ухмыльнулась.

– Бросьте её в Кусачую камеру. Глядишь, и передумает. Ну, а если нет, есть и другие способы отыскать три оставшихся грима.

Каменная рука разжалась, Сафи грохнулась на пол. Близнецы подхватили её под мышки и потащили прочь. Однако маленькая ведьма не желала сдаваться так легко. Она брыкалась и царапалась с силой, которой трудно было ожидать от такой хрупкой девочки.

– Кара тебя остановит! – заорала Сафи, уже не пытаясь изображать преданность. – Она уже делала это однажды, сделает и снова! Спорим, она тоже ищет гримы? И зная Кару,

не удивлюсь, если она их уже…

Близнецы выволокли Сафи за дверь, в темноту.

Паучья Королева ещё долго стояла спиной к Мартэю и тяжело дышала. Предательство Сафи – а быть может, её последние слова – явно задели ведьму за живое. Когда она развернулась к нему лицом, её осколочные глаза были полны ледяной ярости.

«Ну вот мне и конец, – подумал Мартэй. – Что ж, хоть Йонда и Викс в безопасности. Это главное». Он отправил семью к тёте, которая жила очень далеко отсюда, сразу, как узнал, что войска Паучьей Королевы направляются в их сторону. Мартэй вдруг вспомнил, что на той неделе Викс должно исполниться пять лет, а он так и не выбрал ей подарок. Ну ничего, авось, Йонда подыщет ей что-нибудь особенное и скажет, что это от него…

Он представил себе жену и дочку и невольно улыбнулся. Он был готов к смерти.

– Я вижу, как ты их любишь, герой, – с отвращением произнесла Риготт. – Твою ненаглядную семейку. Но неужели ты так и не понял? Любовь – это слабость! Ты всего лишь показал мне, куда надо бить.

Мартэй ощутил рывок – и все воспоминания о Йонде и Викс исчезли.

Удар оказался катастрофическим. Жена и дочь были основой всего его существования, и без них его внутренний мир схлопнулся, словно палатка, из которой выдернули ко-

лья. Его разум распался на разрозненные фрагменты, а сердце усохло и превратилось в чёрный камушек, способный испытывать одно лишь отчаяние.

– Что вы со мной сделали? – спросил Мартэй. Он весь дрожал. Ему сделалось холодно изнутри.

– У Викс такие красивые волосы! – сказала Риготт.

Услышав это имя, Мартэй ощутил сокрушительную печаль, сам не зная почему.

– Кто такая Викс? – спросил он сквозь слёзы.

Паучья Королева расхохоталась и ушла, оставив его наедине с армией мертвецов и опустевшей красной шкатулкой. Мартэй превратился в живую статую, но его раны продолжали кровоточить. Он умер перед самым рассветом, но сошёл с ума ещё до того: его разум надломился под гнётом того, что он потерял.

Книга первая
Башня Песочных Часов

«Семена будущего зарыты в прошлом».
«Последние дни Хронии»
Неизвестный автор

1

Кара опустилась на колени к ручью, зачерпнула воды и плеснула себе в лицо, морщась от ледяных иголочек, что вонзились в щёки. В свете луны было видно её колышущееся отражение: тёмные круги под ещё более тёмными глазами, растрёпанные, слипшиеся волосы…

«Я на ведьму похожа!» – подумала она и хихикнула про себя.

Звёздная ночь – самое подходящее время для раздумий, и Кара невольно задумалась о череде странных событий, кото-

рые привели её сюда. Проследить основное направление было нетрудно: она выросла среди Детей Лона, скиталась по Чащобе, приплыла в Сентиум, чтобы остановить Риготт, вернула себе своё могущество, пройдя через Колодец Ведьм, потом сразилась с Риготт на кладбище, – но многих подробностей она уже вспомнить не могла. Магия вексари требовала платить воспоминаниями, и память Кары была усеяна пробелами, похожими на пятна жухлой травы посреди плодородного поля.

За спиной послышался скрип снега.

– Привет, Дарно, – сказала Кара.

Волк смотрел на неё янтарными глазами. Скорпионий хвост был свёрнут тугой спиралью, жало пряталось в меховых складках.

«Ночь тихая», – подумал Дарно. Кара слышала его слова у себя в голове так же отчётливо, как если бы он произнёс их вслух.

– Это же хорошо, что тихая? – поинтересовалась Кара. – Верно?

«Нехорошо тихая. Тишина перед прыжком».

– Не понимаю.

Дарно передал ей образ когтистой твари, похожей на гориллу, которая бесшумно пробиралась сквозь кроны Чащобы, готовясь напасть на ничего не подозревающего паарна внизу.

– Думаешь, на нас охотятся? – спросила Кара.

«Да».

– Ты кого-то видел? Или что-то?

«Не видел. Чую».

Дарно много лет выживал в Чащобе, прежде чем Риготт его похитила, так что Кара не собиралась отмахиваться от его отточенных инстинктов. Однако же и бросать хорошее, надёжное укрытие на основании одного только чутья она не собиралась. Сперва надо всё проверить.

– Дай-ка погляжу, что там, – сказала она.

Кара распространила свои мысли в десятки существ, что кишели поблизости: в первую очередь в птиц – они самые надёжные часовые, но ещё и в грызунов, что шуршали в подлеске, и даже в косолапого медведя. Некоторые животные охотно пускали Кару в свой разум, но на упрямцев приходилось тратить воспоминания, чтобы построить мостик между собой и ими. Слётку[1], который только что научился летать, – как она поднимает в воздух Таффа, чтобы он развесил на верёвке свежевыстиранную отцовскую рубаху. Голодной белочке – вкус свежесорванной гашевицы.

Проникнув в их разум, Кара быстро проглядела воспоминания животных. Они не видели ничего необычного.

– По-моему, ты просто перестраховываешься, как всегда, – сказала Кара Дарно. С тех пор как она спасла волка от Риготт, он тенью следовал за ней и скалил зубы на всякий

---

[1] *Слёток* – молодая птица, только что начавшая вылетать из гнезда. *(Здесь и далее прим. ред.)*

треснувший сучок. Впрочем, пожалуй, у него имелись причины быть подозрительным: Риготт не успокоится, пока он жив, а тут ещё и Грейс снова оказалась на свободе…

– Метель надвигается, – сказала Кара. – Может, ты из-за этого нервничаешь.

Дарно ткнулся носом ей в плечо.

«Да, – подумал он в ответ. – Скоро снег. Ступай под крышу. Опасно».

Кара вздохнула. Временами неусыпная бдительность Дарно выводила её из себя. Когда она созналась в этом братишке, Тафф просиял: «Во-от, теперь-то ты знаешь, каково мне с тобой!»

– Слушай, дай мне ещё минутку побыть на воздухе, – попросила Кара. – Мне надо прийти в себя, прежде чем я вернусь в дом и ещё раз попытаюсь пустить в ход то заклинание.

«Хотя какое это имеет значение? – размышляла она. – Мы пытаемся совершить невозможное!»

Она окунула руки в воду, собираясь плеснуть себе в лицо – и изумлённо отшатнулась.

Лицо, смотревшее на неё из воды, не было её отражением.

Дарно вздыбил шерсть на холке, скорпионий хвост развернулся с грозным треском. Кара похлопала его по боку.

– Всё в порядке, – успокоила она. Теперь, когда первоначальное изумление миновало, она сразу узнала эту девочку. – Это же Бетани. Свои!

Дарно исподлобья уставился на лицо в кристально-чистом

ручье. Кара понимала сомнения волка. Несмотря на то что Бетани была видна только по пояс, этого было достаточно, чтобы разглядеть паука с двойными жвалами, вышитого на её чёрной мантии. С виду она казалась верной последовательницей Риготт.

Но Кара-то знала, что это неправда.

– Я так и не успела тебя поблагодарить за то, что ты спасла нас тогда, – начала Кара. – Если бы ты не обратила заклинание близнецов на них самих, мы все были бы мертвы.

Бетани только рукой махнула. Поверхность ручья должна была бы заколыхаться от этого движения – но вода осталась неестественно спокойной.

– Благодаря тебе я не стала чудовищем Наева Причала, – сказала Бетани. – Ты вернула меня к свету. Я перед тобой в неоплатном долгу.

– Ну что ты! Не стоит меня переоценивать. Я просто указала тебе дорогу в нужном направлении.

– Ты сделала намного больше. Сама же знаешь.

Кара потрогала воду указательным пальцем. По воде разбежались круги, но изображение Бетани осталось непотревоженным, словно она была плотным телом, находящимся у самой поверхности.

– Как ты это делаешь? – спросила Кара.

– Очень полезная особенность моего гримуара, – ответила Бетани. – Не знаю, помнишь ли ты, но у него необычные страницы.

– Они как зеркала, – сказала Кара.

– И эти зеркала могут передавать любое изображение, какое я пожелаю. Мне нужно только посмотреть на страницу и представить себе лицо того, с кем я хочу связаться. Всё остальное сделает сам гримуар. Проблема только в том, что тот, другой человек должен прикоснуться к зеркалу, чтобы я могла его увидеть. Ну или к воде – годится любая отражающая поверхность.

– Это и в самом деле замечательная магия, Бетани, – сказала Кара. – Но всё-таки будь осторожна с гримуаром. А не то не успеешь оглянуться, как он тобой овладеет.

– Да я знаю. Но ты уже один раз помогла мне справиться с ним, и это дало мне силы противостоять его зову.

Кара кивнула, вспоминая свой собственный опыт. Тёмное влияние гримуара было могущественным, однако при достаточно крепкой воле с ним можно было справиться.

– Теперь я создала связь между нами, – продолжала Бетани, – и ты можешь вызывать меня, когда нужно. Коснись двумя пальцами любой отражающей поверхности и представь моё лицо… только смотри, большим пальцем при этом ни до чего не дотрагивайся, а то заклинание не подействует!

– А почему?

Бетани развела руками.

– Понятия не имею! Никакой логики в этом нет.

– Ну да, я знаю, – кивнула Кара. – Магия иногда такая странная, верно?

Обе девочки расхохотались.

Как хорошо было поговорить с человеком, который всё понимает! Кара пожалела, что Бетани не может оказаться тут, рядом с ней. Ей часто недоставало общества других ведьм – добрых ведьм, разумеется.

– Ты где сейчас? – спросила Кара.

– Сама не знаю, честно говоря, – ответила Бетани. – Мы уже несколько дней тащимся по одной и той же дороге. Я просто иду, куда все, и не высовываюсь. А сейчас все спят.

Она подалась вперёд, глядя за спину Каре.

– А за тобой мне ничего не видно, только макушки деревьев и волка Риготт. То есть, наверное, теперь это твой волк.

– Дарно ничей волк – он свой собственный.

– Ну, в общем, ты можешь быть где угодно, где есть деревья и волки. Больше я ничего не знаю и знать не хочу, а то вдруг Риготт вздумается заглянуть ко мне в голову. Так что на самом деле не вздумай мне говорить ничего важного.

– А что, если она обнаружит, что ты говорила со мной?

– Да не обнаружит. Я так хорошо сливаюсь с остальными ведьмами – не уверена, что Риготт вообще знает о моём существовании. Мне всю жизнь хотелось, чтобы на меня обращали внимание, но я всегда просто сливалась с фоном. Я думала, что это моё проклятие. – Бетани застенчиво улыбнулась, и на миг сделалась совершенно другой. – А теперь я начинаю думать, что это дар.

– И всё равно, Бетани. Ты серьёзно рискуешь, говоря со

мной.

– Ничего не поделаешь. Мне нужно кое-что тебе сообщить.

Она помолчала, отвела взгляд.

– У меня плохие новости.

Кара села и прислонилась к Дарно, чтобы было не так холодно.

– Рассказывай, – велела она.

– Ну, ты же слышала, что случилось в цитадели Та-мен?

Кара покачала головой.

– Я держусь в стороне от городов и людей. Так что мне сложно следить за тем, что происходит в мире.

– Ладно, я тогда в двух словах опишу, – сказала Бетани. Риготт напала на цитадель и убила всех, кто там был. У них хранился грим.

– Что такое «грим»?

– Часть гримуара принцессы Евангелины – Риготт называет его «Вулькера».

Кара почувствовала себя глупо. Она столько времени потратила на поиски гримуара принцессы и даже не знала, что у него есть название…

– И этот… грим теперь у неё? – спросила Кара.

– Да.

– Как же она его нашла? – выдохнула Кара. Она подалась вперёд – ужасная мысль пришла ей в голову: – Это Сафи, да?

– Нет! – отрезала Бетани. – Риготт нашла его сама, по це-

почке подсказок… Да как ты вообще подумать могла, будто Сафи согласится ей помогать?!

По возмущению Бетани Кара догадалась, что за два месяца, проведённые вместе, девочки успели крепко сдружиться. «Больше, чем два месяца!» – напомнила себе Кара: опять она забыла о том времени, что минуло, пока она находилась в Колодце Ведьм. «Сафи провела в плену у Риготт больше года! Получается, Бетани знает Сафи куда дольше, чем я…»

– Мне очень не хочется её подозревать, – сказала Кара. – Ведь она же и моя подруга тоже. Но я-то знаю, каким искушением может стать тёмная магия. Сама понимаешь, Бетани. Кому, как не тебе это знать?

Каре даже сквозь воду было видно, что девочка слегка покраснела.

– А потом, если Сафи по-прежнему осталась… сама собой, отчего же она атаковала меня тогда, на кладбище?

– Потому что Сафи знала, что сможет сделать больше добра, если останется, – ответила Бетани. – Напав на тебя и оставшись при Паучьей Королеве, она продемонстрировала свою непоколебимую преданность. После этого Риготт стала по-настоящему доверять ей. И это позволило Сафи таскать её по всему Сентиуму, ссылаясь на видения, которые ей якобы являлись.

Онемевшие Карины щёки вспыхнули от стыда. Она была так уверена, что Сафи запуталась в паутине чёрной магии, что её надо спасать! А малышка вместо этого благодаря сво-

ей отваге и хитрости сумела серьёзнее навредить планам Риготт, чем сама Кара.

«Вот Тафф никогда не терял веры в неё. И я больше не буду…»

– Но как же Сафи удавалось скрывать от неё истину? – спросила Кара. – Ведь Риготт же способна видеть мысли людей!

– А это вообще-то моя работа! – не без гордости ответила Бетани. – Я внедрила в разум Сафи «мысленные зеркала» – это мы их так называли, – и каждый раз, как Риготт заглядывала туда, она видела девочку, беззаветно преданную ей всей душой – такую, что восхищается ею и преклоняется перед ней. Но на самом деле Риготт, разумеется, видела себя самоё и отражение того, как она сама к себе относится.

– Великолепно! – восхитилась Кара.

– Вот и Сафи тоже так думала, – печально улыбнулась Бетани.

Яростный порыв ветра пробился Каре под плащ, и она ещё плотнее придвинулась к Дарно, чтобы согреться.

– А что произошло? – спросила Кара.

– Риготт догадалась, в чём дело, – вздохнула Бетани. – Сафи теперь в заточении.

– Но она же не может причинить ей вреда, – сказала Кара. – Сафи нужна ей, чтобы отыскать оставшиеся гримы.

– Риготт уверяет, что знает другой способ. И поскольку цитадель Та-мен она обнаружила без помощи Сафи, я ду-

маю, что это правда.

Кара обдумала это. Если Риготт и в самом деле больше не нужна помощь Сафи, у неё нет никаких причин оставлять девочку в живых…

– Мы придём и выручим вас обеих, – решительно произнесла Кара. – Гримы могут и подождать.

– Нет! – воскликнула Бетани. – Не тратьте время на нас – ведь первый грим уже у Риготт! Тебе нужно отыскать три остальных!

– Но…

– Сафи тебе когда-нибудь говорила о своём видении? О том, что будет, если Риготт воспользуется могуществом «Вулькеры»?

Кара кивнула. Она помнила. «Риготт, с гримуаром в руках, на горах костей. Это всё, что останется от мира».

– Тогда ты знаешь, что поставлено на кон, – сказала Бетани. – Сейчас важно одно: не дать Риготт завладеть «Вулькерой». Всё остальное неважно.

Кара понимала, что Бетани права. И всё же мысль о том, чтобы оставить подруг в опасности, была невыносима.

– Сперва я отыщу гримы, – согласилась Кара, – но потом вернусь за вами.

– Не тревожься из-за нас, Кара, – сказала Бетани. – Риготт даже и не знает, что я тебе помогаю, и если она до сих пор ничего не сделала с Сафи, то наверняка не сделает и дальше. Мне ни капельки не страшно!

Даже сквозь воду Каре было слышно, как дрожит голос Бетани. Ведьма она была хорошая, а вот врунья плохая.

2

Выстроенная из камня ферма стояла на холме. Под ним раскинулись поля и небольшой прудик. В тёплое время года отсюда, наверное, открывались довольно живописные виды, но сейчас, куда ни глянь, всё было голо и однообразно. В Сентиуме Каре многое нравилось, но вот здешние холодные зимы ей были не по душе. Она так скучала по рыхлой земле, по запаху свежих цветов, по стрёкоту насекомых…

И по Лукасу.

Два месяца прошло с тех пор, как она виделась с ним в последний раз. Кара была уверена, что папа, который теперь только притворялся Тимофом Клэном, сделает всё, что в его силах, чтобы уберечь мальчика от опасности, но у Кары не было возможности узнать, целы ли они оба, и она жила в постоянной тревоге. Когда речь шла о магии, с серыми плащами ей было не по пути, и Кару непрерывно преследовало чувство, что Лукаса она, возможно, никогда больше не увидит. Энергично растирая руки у очага, Кара вспоминала, как

Лукас чуть не поцеловал её тогда, на станции свупа, и остро сожалела: «Ну почему я не потянулась вперёд и не встретилась с ним губами, когда была такая возможность?»

– Кара! – окликнул сверху Тафф. – Иди сюда!

– Сейчас!

Она стала подниматься по лестнице. В основном всё в фермерском доме было ей знакомо: вот дровяная печь, вот кровати под балдахинами, вот стеклянные шары, наполовину заполненные водой, куда достаточно только бросить свешар, чтобы содержимое забурлило и засветилось. Однако некоторые вещи ставили Кару в тупик и напоминали о том, что они в этом мире всё-таки чужие. Например, ребристые металлические диски, развешанные по стенам наподобие семейных портретов. Или полки, уставленные дешёвенькими с виду брошюрками, напечатанными странными буквами в виде точек и завитушек. Бесчисленные кнопки, циферблаты, рычажки, которые, похоже, вообще ни для чего не служат (что, разумеется, не помешало Таффу повертеть, нажать и переключить всё, что только можно, и не по одному разу).

Кара так и не узнала, кому принадлежал этот дом. Он был пуст, когда они его нашли, как и многие другие. Весь мир пришёл в движение: слухи о появлении Паучьей Королевы заставляли людей сниматься с места, будто животных, бегущих от лесного пожара. По пути сюда Кара с Таффом прошли немало дорог, забитых запылёнными беженцами, в чьих фургонах громоздились пожитки – всё, накопленное за годы

трудов.

«Куда они все и зачем? – гадала Кара. – Как будто где-то есть безопасное место!»

Девочка пригнулась в дверях и стала подниматься по узкой лесенке, что вела на чердак.

Ночевали они внизу, где теплее, но большую часть времени брат с сестрой проводили на чердаке. Через огромное окно, встроенное в скошенную крышу, в дневное время проникало много света. Ребята сдвинули к стенам затхлые ящики, освободив себе достаточно пространства. Подходящей бумаги у них было маловато, поэтому они мелко и убористо писали и рисовали углём прямо на полу и на стенах, всюду, где только можно.

Тафф стоял на четвереньках на полу, спиной к Каре. Он отыскал свободное местечко и проворно рисовал кусочком угля, сточенным почти под ноль.

– Ты чего так долго? – спросил он.

Кара замялась. Ей хотелось оградить братишку от всего этого, но она уже пообещала себе, что больше никогда не станет от него ничего скрывать, каким бы ужасным оно ни было.

Тафф бросил рисовать, почуяв, что дело неладно.

– Что случилось? – спросил он.

Она рассказала ему всё. Когда Тафф узнал, что четверть «Вулькеры» уже в руках Риготт, он раздражённо стукнул себя по коленке. Известие о том, что Сафи грозит серьёз-

ная опасность, поразило его ещё сильнее. Кара ожидала, что Тафф примется возражать против решения – не пытаться немедленно спасти его лучшую подругу. Однако, к её удивлению, он сразу понял и принял жестокую логику: гримы важнее.

«Взрослеет…» – подумала Кара.

– Надо сосредоточиться на заклинании! – сказал Тафф. Голос у него чуть заметно дрожал. – Чем скорей мы остановим Риготт, тем быстрее мы сможем спасти наших друзей.

– Хороший план, – ответила Кара. Ей очень хотелось обнять малыша, но она сдержалась: он же так старался вести себя как взрослый, значит, и обращаться с ним надо соответствующе. Вместо этого она заглянула Таффу через плечо, обратив внимание на его новый набросок. – Я смотрю, ты трудишься не покладая рук. Что это ты…

Тут она осеклась, заметив крошки, приставшие к рубашке брата.

– Эй! Ты что, слопал остатки пирога?

Тафф лукаво улыбнулся.

– Я проголодался. И потом, это же был мой пирог!

Два дня назад Тафф отпраздновал свой восьмой день рождения. Кара поскребла по сусекам и соорудила ему тыквенный пирог в сливочной глазури, его любимый. И ещё подарила помятые карманные часы, купленные у коробейника. Тафф разобрал их на следующий же день, и до сих пор бился над тем, как их собрать обратно.

– Ничего, не волнуйся, – успокоил сестру Тафф. – Вот заработает у нас это заклинание, я тебе личный пирог испеку, чтобы это отметить!

– Жду не дождусь, – сказала Кара с уверенностью, которой на самом деле совсем не испытывала.

Ей вспомнился тот разговор, с которого всё началось. Папа, уже переставший быть Тимофом Клэном, но вынужденный по-прежнему притворяться им, пришёл, чтобы освободить Кару с Таффом из-под стражи. И за несколько бесценных минут, проведённых вместе, он успел рассказать своим детям важные сведения, которые узнал, пока в его теле обитал древний охотник на ведьм.

– Есть человек по имени Кверин Финдрейк, – говорил отец. – Он очень-очень стар – старше даже Тимофа Клэна, – и ему давно пора было бы умереть, но он жив. «Язычник, застывший во времени, прячущийся в своей башне Песочных Часов» – так описывал его Тимоф, что бы это ни значило. Я собирался… в смысле, Тимоф собирался вытрясти из этого человека нужные сведения. Он знает, где находятся четыре части гримуара принцессы. Тимоф был в этом уверен. Но, несмотря на это, он не особенно торопился встречаться с тем человеком. Клэн не колеблясь ринулся в бой с Риготт, но этого Кверина Финдрейка он страшился.

– Тогда, наверное, он хороший человек, – заметил Тафф. – Правда же?

Папа стиснул плечо сына.

– Я думаю, что всё не так однозначно.

– Нам нужно с ним поговорить, – сказала Кара. – Если он сможет нам сообщить, где находятся части гримуара, мы сумеем спрятать их от Риготт. Но где же нам его искать?

– Это-то и есть самое сложное, – ответил папа. – Видите ли, башня Песочных Часов не обозначена ни на одной карте, потому что она находится не «где», а «когда». «В час без удара».

– Ерунда какая-то, – смутилась Кара.

Папа пожал плечами.

– Мне тоже хотелось бы объяснить точнее, но я не уверен, что и сам Тимоф точно знал, что это означает.

Тафф обернулся к Каре, улыбаясь от уха до уха.

– Это же загадка! – радостно воскликнул он.

За эти два месяца они перебрали все возможные варианты толкования непонятной фразы. Что это за «час без удара» такой? Может, это означает, что в двери башни нельзя стучаться? Или, может быть, Кверин живёт там, где не звонят колокола?

Однако в конце концов они вернулись к загадочному описанию неуловимого старца как «язычника, застывшего во времени».

– Часы бьют в конце каждого часа, – говорил Тафф. – Если это «час без удара», получается, что он тянется бесконечно. Время остановилось. Так что всё, что нам надо, – это остановить время и оглядеться по сторонам. И, возможно, тогда

мы сумеем найти этого самого Кверина.

– Ты так говоришь, будто это не труднее, чем остановить повозку в долгом пути, – заметила Кара. – Ну и как же ты предлагаешь это сделать?

– Когда Риготт потребовался эликсир, чтобы лишить Сордуса его могущества, она создала Нирсука, – пожал плечами Тафф. – А тебе просто нужно создать животное, которое сможет останавливать время. Только и всего!

Поначалу идея показалась Каре невыполнимой. Но потом она вспомнила, как Минот Дравания, сидевший под своим деревом в Колодце Ведьм, шутливо упрекнул её за то, что она до сих пор употребляет выражение «не может быть».

«Но это безумнее всего, что я когда-либо делала!» – подумала она.

– Помнишь, как ты создала Джейбенгука, чтобы спасти мне жизнь? – спросил Тафф. – Просто возьми и сделай! Только вместо огромной птицы, которая исцеляет людей, сделай такую, которая останавливает время.

– Тут есть два «но», – возразила Кара. – Во-первых, для того заклинания требовался гримуар, которого сейчас у меня нет…

– И не надо, – перебил Тафф. – Не забывай, ты же векcари!

– И потом, Джейбенгука мне представить было нетрудно, потому что о нём говорилось в сказке, которую я тебе рассказывала много лет подряд.

Тафф, совсем недавно научившийся щёлкать пальцами, с

удовольствием воспользовался случаем и щёлкнул.

– Вот! – воскликнул он. – Значит, надо сочинить сказку, чтобы убедить себя, что такое существо в самом деле могло бы существовать. А потом ты выстроишь к нему мысленный мостик и втянешь его сюда, в реальный мир!

– То есть ты хочешь, чтобы я выстроила мысленный мостик к плоду своего воображения? – переспросила Кара.

Тафф скрестил руки на груди.

– А что, есть идеи получше?

Нет, других идей не было. С тех пор они каждый вечер рассказывали друг другу эту сказку, и Кара всё пыталась установить связь с воображаемым созданием. Она не рассчитывала, что это удастся прямо сразу, а улучшать историю, чтобы существо казалось как можно более настоящим, само по себе было интересно.

Однако и теперь, пять попыток спустя, они были ничуть не ближе к успеху. Кара начинала думать, что их план, возможно, вообще не удастся.

Но Тафф, как обычно, её сомнений не разделял.

– Сегодня всё обязательно получится! – сказал он, размазывая пальцем угольную черту. – Не может не получиться. Я это чувствую!

Кара вгляделась в его последний рисунок.

Ребята решили взять за основу своего воображаемого зверя, которого они называли «йонстаффом», реальное животное, полагая, что так Каре будет проще его представить. Они

долго спорили и наконец сошлись на большой рыжей собаке с чёрными пятнами. На первый взгляд последнее Таффово изображение йонстаффа ничем принципиально не отличалось от других рисунков, которыми был усеян весь пол. Но приглядевшись, Кара обнаружила, что Тафф пририсовал к суставам на лапах тщательно вычерченные шестерёнки, что придало псу полумеханический облик.

– А это зачем? – спросила Кара.

Тафф поднялся на ноги. На коленках у него были чёрные пятна, лоб вымазан углём.

– Я так думаю, до сих пор заклинание не подействовало потому, что существо, которое мы пытались притащить в этот мир, не было логичным.

Кара невольно улыбнулась.

– То есть мы пытаемся создать животное, которое может останавливать время, а ты говоришь о логике?

– Вот именно! – воскликнул Тафф. – Это создание должно соответствовать своему назначению. Ну вот, предположим, на самом деле медведей не существует, а ты пытаешься выдумать медведя, но без когтей и без меха. Это же тогда будет не медведь, верно?

– Слушай, – сказала Кара, – не пойми меня неправильно, но ты, вообще, нормально выспался?

– Я что хочу сказать: наша зверушка должна быть не просто сказочной собачкой. Она должна выглядеть так, чтобы было видно, что она и в самом деле способна управлять вре-

менем. Я и сказку нашу тоже немного переделал, – сказал Тафф, указывая на текст, нацарапанный на противоположной стене. – Дело же не в магии. Дело в воображении! Мало же просто взять и сказать, мол, существо, которое называется «йонстафф», способно управлять временем. Этого недостаточно! Надо ещё убедить твоё воображение, что йонстафф в самом деле существует. Иначе Врестой никогда не станет для тебя достаточно реальным, чтобы создать…

– Врестой? – переспросила Кара.

Тафф покраснел.

– Ну да, это я его так называю.

– Но у него же уже было имя, разве нет? Йонстафф.

– Нет, – возразил Тафф, – йонстафф – это название вида. И тоже часть проблемы. Нельзя пытаться представить какого-то там среднего йонстаффа, какого попало. Нужно попытаться вообразить одного, конкретного йонстаффа. Тогда будет проще выстроить к нему мысленный мостик. Когда даёшь кому-то имя, это сразу делает его более реальным.

– Ну да, это разумно, – сказала Кара. Она уже была готова согласиться на что угодно. Все предыдущие попытки использовать это заклинание выглядели так, будто она пробовала зачерпнуть туман горстью. – Но почему Врестой-то?

– Потому что «Время, стой!», вот почему! – воскликнул Тафф. – Неужели непонятно?

Кара рассмеялась.

– Ну, Врестой так Врестой.

Она подошла к противоположной стене, чтобы прочесть, какие изменения Тафф внёс в сюжет. Писал он, конечно, с жуткими ошибками, и Кара сразу почувствовала себя виноватой, что так запустила его занятия, но в целом изменения были стоящие. Сказка ожила, и персонажи превратились в настоящих людей, воплощённых в словах.

– А может и получится, – признала Кара. – Ну, давай сегодня попробуем по-твоему. Возможно, мы даже сумеем…

– Кара, – перебил Тафф каким-то сдавленным голосом, – кажется, у нас проблемы…

Кара развернулась. За спиной братишки стояла Грейс Стоун, держа у его горла кинжал.

– В кои-то веки щенок прав! – жизнерадостно ухмыльнулась Грейс. – Уж проблемы так проблемы!

3

Когда Кара вспоминала Грейс, она представляла себе не шептунью в красном одеянии из Колодца Ведьм, а дочку фен-де Стоуна, безупречно наряженного ангелочка, всегда с яркой лентой в волосах, каждый день находящего новый способ помучить Кару…

Этой девочки больше не было.

Грейс побрилась налысо, вместо длинных белых волос на

голове у неё торчала колючая щетина. Одежда на исхудалом теле превратилась в лохмотья. Грязь разводами легла на лицо и забилась под ногти. Даже взгляд изменился. Её глаза по-прежнему оставались пронзительно-голубыми, но теперь они жили собственной жизнью, метались из стороны в сторону, как будто норовили сбежать от хозяйки-неудачницы.

– Что, рада, небось, видеть, какой я теперь стала? – спросила Грейс. Она тяжело опиралась на деревянную трость, берегла больную ногу. – Ручаюсь, ты всю жизнь мечтала об этой минуте!

– Не трогай его!

– Да не собираюсь я трогать твоего щенка. Просто поговорить надо.

– И всё?

– И всё, – ответила Грейс и немного отодвинула кинжал от горла Таффа. – Но я не могу допустить, чтобы ты наколдовала кого-то из своих маленьких чудищ и напала на меня прежде, чем я договорю. Времени в обрез, и мне надо, чтобы ты слушала в оба уха, если мы все хотим дожить до утра.

Дарно почуял, что Каре требуется помощь, и проскользнул в комнату. Теперь он расхаживал взад-вперёд, не спуская глаз с Грейс.

– Мне не по себе от этого нового присутствующего, – заметила Грейс.

– Отпусти моего брата, и тебе не причинят вреда, – ответила Кара. – Даю тебе слово.

– И что же это за слово, а, Кара Вестфолл? «Солнышко»? «Радость»? «Бабочки»? Ты ж у нас такая хорошая, такая добрая! Ну как можно сомневаться в тебе?

Грейс отпихнула Таффа.

– На, забирай!

Кара заслонила братишку собой, а Дарно тут же сбил Грейс с ног. Волк стиснул зубами податливую кожу на шее Грейс и замер, ожидая дальнейших приказаний.

– Мне не причинят вреда! – воскликнула Грейс. Глаза у неё расширились от ужаса. – Ты же обещала!

– А ты угрожала жизни моего брата. Я уже не та всепрощающая девочка, которую ты знала в Де-Норане, Грейс. Давай, выкладывай, зачем пришла, и может быть – может быть! – я сумею убедить Дарно не рвать тебе глотку.

– Возможно, тебя это удивит, – ответила Грейс, – но, на самом деле, я пришла, чтобы спасти жизнь вам обоим.

Тафф потёр шею.

– Ты выбрала странный способ это продемонстрировать.

– Мне нужно было привлечь ваше внимание. И быстро. Только и всего. А теперь убери от меня эту тварь, не будем терять время.

– Дарно, отпусти, – скомандовала Кара.

Волк нехотя убрал клыки от горла Грейс.

«Ну хоть кусочек, а? – взмолился он. – Охота плохая, добычи мало…»

– Извини, друг.

Кара чувствовала лютый голод, терзающий Дарно, и ей было стыдно, что она поманила его едой и не дала.

– Но ею ужинать небезопасно. Она с гнильцой внутри.

Грейс села и озадаченно огляделась по сторонам: рисунки на полу, исписанные стены…

– Вы тут с ума не посходили оба? – жизнерадостно осведомилась она.

– Ты говори, говори, что хотела, – ответила Кара.

– Ну ладно, – сказала Грейс. – Ты же мне доверяешь, да?

– На свете не найдётся столько «нет», чтобы ответить на этот вопрос.

– Ничего, всё еще изменится. После этой ночи ты больше никогда во мне не усомнишься.

Грейс попыталась откинуть назад несуществующие волосы.

– Зря вы так долго проторчали на одном месте. Близнецы пронюхали, где вы находитесь. Они будут здесь с минуты на минуту.

– А ты откуда знаешь?

– Потому что я следовала за тобой и увидела, как они приближаются.

– Следовала за мной? Зачем?

– Ты сейчас думаешь немного не о том. Надо срочно уходить отсюда, иначе мы окажемся в этом доме, как в ловушке.

– Поздно, – сказал Тафф, глядя в окно.

Кара подбежала к нему. Сквозь метель было плохо видно,

но всё равно она различила две фигуры с одним гримуаром. А за ними, у подножия холмика, ещё четыре. Близнецы действовали наверняка.

– Откуда мне знать, что это не ты их привела? – спросила Кара, развернувшись к Грейс. – Быть может, это какая-то хитрость!

– И зачем бы мне тогда тебя предупреждать?

Кара пожала плечами.

– Не знаю. Быть может, чтобы втереться в доверие?

– Ну, это вообще ерунда получается! Я подвергаю себя опасности уже тем, что стою и разговариваю с тобой. Ради чего бы мне рисковать…

– У тебя есть свои причины, я уверена! – отрезала Кара. – Ты ничего не делаешь просто так.

– Теперь всё изменилось, – сказала Грейс преувеличенно ровным тоном. – Изменилась я.

Кара презрительно фыркнула.

– Слушайте, а давайте об этом потом? – перебил Тафф, нервно поглядывая в окно. – А где Риготт? Я её не вижу.

– Риготт здесь нет, – сказала Грейс, подталкивая их к дверям. – Да и какая разница? Давайте запрыгнем на эту вашу летающую гусеницу и уберёмся отсюда.

Тафф подбоченился и развернулся к Каре.

– Отличная идея! – воскликнул он. – Давайте так и сделаем, а?

– А в чём проблема? – насторожилась Грейс.

– Отпустила я Погремушку, – созналась Кара. – Она ж не сказать чтобы неприметная, я и подумала – после того как она столько времени томилась в Колодце Ведьм, она заслуживает погулять на воле…

– Ну, кто говорил, что фиговая это идея, а? – осведомился Тафф, стукнув себя в грудь кулачком. – Кто говорил, что Погремушку надо держать под рукой, на всякий случай?

– Ну до того ли сейчас? – вздохнула Кара.

За окном ведьмы собрались в тесный кружок – чёрное пятно на белом снегу. Они принялись читать заклинания из своих гримуаров. Кара не слышала их слов, однако почувствовала, как они напряглись в предвкушении за мгновение до того, как фиолетовая вспышка озарила ночное небо. Весь дом тряхануло так, словно гигантская рука сорвала его с фундамента и подняла в небо – подняла и уронила. Окна чердака разлетелись вдребезги. Стропила треснули. Колонны ящиков развалились, точно башни, разбитые выстрелом из катапульты, всё их содержимое раскидало по полу.

Кара помогла Таффу подняться на ноги. Прикрываясь рукой от снега, который теперь кружился по чердаку, выглянула в разбитое окно. Дом и приближающиеся к нему ведьмы были окружены стеной фиолетового сияния.

– Это что ещё такое? – спросил Тафф.

– Точно не знаю, – ответила Кара, – но догадываюсь.

Она быстро выстроила мысленный мостик к ближайшей стае волков и отдала приказ: «Окружите ведьм и нападите на

них сзади». Волки были только рады послушаться – животы у них подводило от голода, – но жажда крови сменилась жестоким разочарованием: звери врезались в фиолетовую стену.

– Магический барьер, – заключила Кара: её первоначальные подозрения подтвердились. – Они меня отрезали от лесных зверей. Животные нам не помогут.

– А как насчёт тех, кто очутился под куполом? – спросил Тафф.

Кара пожала плечами.

– Овцы да куры? И Тенепляска. Что они могут сделать?

– А как же крысы? – спросил Тафф. – Всегда же есть крысы.

Кара кивнула.

– Ну да, ещё крысы в подвале. Я пошлю их. Может, они помогут нам выиграть несколько минут.

«И я!» – подумал Дарно.

– Нет! – начала было Кара. – Их слишком мно…

Но Дарно уже выскочил за дверь. Кара могла бы заставить его вернуться силой, но после подобного вмешательства их отношения уже никогда не стали бы прежними.

«И к тому же Дарно способен о себе позаботиться».

– Давай всё-таки ещё раз испробуем заклинание, останавливающее время, – предложил Тафф. – Это наш единственный шанс.

Кара покачала головой.

– Слишком рискованно! Должен быть другой выход…

– А давайте вы просто сдадитесь и скажете всем, что это я вас схватила, чтобы меня выгородить? – предложила Грейс. – Так хоть кто-то из нас выживет!

Кара с Таффом не обратили на неё внимания.

– У нас получится! – воскликнул Тафф, схватив Кару за руки. – Я стану рассказывать, а ты колдовать. На этот раз точно подействует! Я чувствую!

– Но ведь если не получится…

– Получится! – оборвал её Тафф. – Ну ты что, не веришь, что ли?

Если бы Тафф задал этот вопрос несколько месяцев назад, Кара ответила бы «нет». Но теперь всё было иначе. Она преодолела квет-нондру и вернула своё могущество. Она сразилась с Риготт и выжила!

– Давай, читай сказку, – решилась она.

– Какую ещё сказку? – переспросила Грейс. – Что вы несёте?

– Мне нужно сосредоточиться, – сказала Кара. – Это значит, что сдерживать близняшек в ближайшие несколько минут придётся тебе. Сумеешь, как думаешь?

Грейс с трудом сдержала смех.

– Да ты никак помощи моей просишь?

– Ну, если ты хочешь выжить, – ответила Кара, – я не вижу для тебя другого выхода. Я уверена, что Риготт точно знает, кто снял проклятие с моего отца и помог пленнику бежать.

Ты в самом деле думаешь, будто она оставит такое безнаказанным?

– Ты что, до сих пор так ничего и не заметила? – спросила Грейс, кривя губы. – Хотя да, ты никогда наблюдательностью не отличалась.

Кара не сразу сообразила, чего же тут не хватает.

– А где твой гримуар? – спросила она.

Новая вспышка. Дом тряхнуло ещё раз. Двумя этажами ниже что-то повалилось с грохотом. Грейс пошатнулась, но Кара подхватила её, не дав упасть.

– Выкинула я эту дрянь на дно старого колодца, – сказала Грейс. – С магией покончено. Всё!

Она горестно вздохнула.

– Но я, конечно, попробую загородить дверь. Видишь, я всегда готова помочь!

Грейс захромала прочь, стуча палкой по деревянному полу, и принялась ворочать ящики, перегораживая вход на чердак.

«К чему всё это было?» – спросила себя Кара.

Но размышлять над этим было некогда: Тафф уже принялся читать историю. Кара уселась на пол – стараясь не замечать трещин, назойливо змеящихся по полу, – и устремила взгляд на самое свежее изображение йонстаффа.

«И не какого-нибудь йонстаффа, – поправилась она, – а Врестоя! Раз у него есть имя, значит, он точно существует».

– *Давным-давно, так давно, что и самые древние старики*

не упомнят, – нараспев читал Тафф то, что было написано на стене, – *Время был розовощёким младенцем и ещё не очень-то умел управлять своими владеньями. День боролся с ночью, а ночь с днём, часы забывали, в каком порядке они следуют друг за другом, а иная минута, случалось, своё дежурство и вовсе проспит. Нет нужды говорить, что от этого люди терпели немало бед и невзгод. И тогда, чтобы помочь юному Времени, пока он не овладеет своим ремеслом, боги сотворили существ, которых назвали – йонстаффы. Йонстаффы усердно взялись за дело и быстро уладили раздоры между днём и ночью, а часы научили разным хорошим способам не забывать, кто за кем следует. Но, конечно, труднее всего было с минутами. Минуты оказались такими лентяйками! День за днём йонстаффам приходилось тормошить каждую из них, чтобы те были готовы, когда настанет их черёд. Сами понимаете, это была прорва работы. Иной раз йонстаффы запаздывали, и тогда им ничего не оставалось, кроме как совсем останавливать шестерёнки времени, чтобы успеть выполнить свои обязанности и разбудить все минутки до последней. И когда доходило до остановки времени, эту задачу взваливали на самого младшего из йонстаффов, которого звали Врестой.*

Кара зажмурилась, мысленно переводя Таффовы слова в образы. Ведь услышать историю было мало. Чтобы заклинание сработало, её надо было прожить!

– *Разумеется,* – продолжал Тафф, – *для людей йонстаф-*

фы были невидимы, однако те, кто не чужд магии, могли ощутить их присутствие – будто тёплый ветерок или покалывание в кончиках пальцев. Сами же йонстаффы, наоборот, людей видели прекрасно, и в своё свободное время – хоть его почти и не было – немало потешались над странными привычками и обычаями двуногих. Все, кроме Врестоя. Маленькому йонстаффу эти существа казались замечательными – особенно один бедный мальчик по имени Рузен. Рузену, сыну кожевника, было восемь лет. Он не был ни особенно красив, ни особенно умён. Зато смеялся он охотно и часто и любил животных. Каждый вечер Рузен собирал всех деревенских собак и играл с ними в кожаный мячик, который изготовил собственными руками. Врестой мог часами наблюдать за ними, греясь в лучах их беспечной радости, как черепаха греется на солнышке. И больше всего на свете ему хотелось тоже поиграть с мальчиком: чтоб он ловил мячик пастью, а Рузен чесал его между ушами. Ему хотелось слышать смех мальчика, не приглушённый стеной, что разделяла их миры, а совсем рядом, совсем близко.

Тафф читал, а Кара старалась вообразить историю во всех подробностях, в мельчайших деталях. Непослушный вихор на макушке Рузена – как будто корова лизнула. Кожаный мячик, чуть кособокий, с расползающимися швами – сразу видно, что делал его ребёнок, ещё не овладевший отцовским мастерством. А главное, Кара мысленно сосредоточилась на образе Врестоя, пока йонстафф не предстал перед нею отчёт-

ливо, подобно свежему воспоминанию. «Когда он запыхается, язык у него свисает влево. Россыпь пятнышек у него на груди напоминает созвездие на северном небосклоне. И из пасти у него пахнет утренней росой».

– И вот наконец желание Врестоя сделалось настолько невыносимым, что он отправился к богам и стал молить, чтобы те позволили ему выскользнуть в трещинку во времени и побродить по миру смертных. Боги поначалу были против, но преданный йонстафф так просил, так умолял, что они, в конце концов, согласились. Однако же предупредили, что своё могущество он должен хранить в секрете, ибо мир ещё не готов к магии и последствия могут быть ужасающими. Врестой согласился. Не прошло и нескольких дней, как он отыскал себе место среди прочих деревенских собак, а ещё через несколько – сделался любимцем Рузена. Говорить йонстафф не мог – ведь его магия была настолько могущественной, что даже одного звука хватило бы, чтобы выпустить её на волю, – но это не имело значения. Мальчик любил его, и это было главное.

Снаружи доносилась какофония звуков. Рык, встревоженные голоса, болезненный возглас… Ветер превратился в вихрь, носивший по комнате всё, что не приколочено. Кара почувствовала, как что-то стеклянное ударилось о её затылок и разлетелось вдребезги. Она не обратила на это внимания, только плотнее зажмурилась и придавила веки ладонями.

«История! Думай только об истории!»

– *В один прекрасный день,* – провозгласил Тафф – *теперь он почти орал, стараясь перекрыть вой ветра, – Рузен, как обычно, полез на дерево, но когда он забрался на самую макушку, ветка под ним обломилась, и он полетел вниз. Врестой забыл о том, что говорили ему боги и, издав один-единственный звук, остановил время за миг до того, как Рузен ударился о землю. Когда йонстафф дотронулся до Рузена, мальчик увидел, что всё вокруг застыло. Хоть он и был ошеломлён произошедшим, но Врестоя полюбил больше прежнего: ведь тот спас ему жизнь. Вскоре всё вернулось на круги своя. То были счастливейшие дни в жизни Врестоя!*

Кара почувствовала, как в мир вошло новое создание.

То был ещё не Врестой – всего лишь смутная мешанина мыслей и идей. Нет, нужно придать ему более осязаемую форму, если Кара действительно хочет сделать его реальностью…

– Давай, Тафф, давай дальше! – вскричала она.

– *В течение нескольких лет Рузен хранил дар Врестоя в тайне,* – затараторил Тафф. – *Однако по мере того, как он становился старше, бедность его семьи всё больше казалась несправедливостью, перекрывающей путь ко всему хорошему. Рузену хотелось знать, каково это – ложиться спать сытым, ходить в новой шёлковой одежде, а не в латаной-перелатаной. Он стал смотреть на талант своего питомца как на способ оставить свой след в этом мире. И вот Рузен,*

пустив в ход ремесло, которому научился, хотя так и не полюбил, изготовил из обрезков кожи мужчину и женщину и поставил их в центре деревни. Когда вокруг собралась толпа, Рузен объявил, что его бедным созданиям очень стыдно стоять на виду совершенно голыми и что они нуждаются в помощи деревенских жителей. Толпа расхохоталась, почуяв какую-то забаву, но тут Рузен кивнул Врестою. Йонстафф понимал, что зря он это делает, однако любовь к мальчику затмила его разум, и отказать ему он не смог. Он издал один-единственный звук. И пока время замерло, Рузен обошёл толпу и собрал кучу всякой всячины: шляпы, перчатки, башмаки, украшения, – и одел во всё это своих кожаных истуканов. Когда же время двинулось дальше, людям показалось, будто все эти предметы слетелись на новое место в мгновение ока. Ох, как же ему аплодировали! Народ желал видеть фокус ещё раз. И ещё. Рузен оставил у ног кожаного человека свою собственную шляпу, и к концу дня она доверху наполнилась монетами.

Кара услышала голоса на лестнице и удары в двери чердака… «Сосредоточься! История, история, история!» Врестой был уже близко. Она уловила его слабый шёпот внутри своего разума, непохожий ни на одно из животных, слышанных ею прежде. Кара протянула к нему мысленный мостик из воспоминаний о дружеских чувствах: «Вот Сафи с Таффом молотят ногами по воде, вот она раскатывает тесто вместе с тётей Эбби…» – но сколько бы воспоминаний она ни

вложила, всё равно мостик казался недостаточно длинным, чтобы соединить берега реальности и её воображения.

«Приходи в мой мир, Врестой! – думала Кара. – Давай подружимся, а?»

Тафф рассказывал дальше. Кара старалась не замечать страха в его голосе, пытающемся перекричать треск ломающейся двери.

– В тот вечер мальчик, который на самом деле уже не был мальчиком, лёг спать с полным животом, а утром он пошёл и купил себе три новых костюма. Врестой надеялся, что на том всё и закончится. Но это было только начало. Весь следующий год Рузен и йонстафф обходили окрестные деревни и показывали свои фокусы. Вскоре пузо Рузена уже свисало поверх ремня, а одежды он себе накупил столько, что им пришлось обзавестись целым фургоном, чтобы возить её с собой. Он всё чаще бранился. Всё реже смеялся. И вот когда Рузен объявил, что они отправляются в город, где у людей водятся «настоящие деньги», Врестой понял – это плохая затея. Он и так уже стал замечать, что в последнее время в деревнях, что они посещают, люди смотрят на них не только с восхищением, но и со страхом и отвращением. Слухи о Рузеновом «фокусе» разошлись по округе, и иные уже поговаривали, что совсем это не фокус, а какая-то чёрная магия. В городе им грозила опасность, и Врестой попытался отказаться, заботясь только о безопасности мальчика. Рузен же посадил его в клетку.

Кара поднялась в воздух.

Она открыла глаза. Пол чердака остался далеко внизу. Голова упёрлась в деревянные стропила. Близнецы торжествующе смотрели на неё, в волосах у них таяли снежные хлопья. Прочие ведьмы разошлись по чердаку. Старая карга с ввалившимися щеками зажала в ладонях лицо Таффа, точно нелюбимая тётка, норовящая его расцеловать. Грейс лежала на полу, глаза у неё были открыты, но ничего не видели. Из раны на её голове струилась кровь.

– А ведь мы почти дочитали сказку! – воскликнул Тафф, бессильно стиснув кулаки. – Почти дочитали!

Близнецы, двигаясь абсолютно синхронно, приближались к Каре, держа между собой раскрытый гримуар. Щепки чердачной двери хрустели у них под ногами. Сёстры заговорили на понятном только им гортанном языке. От этих слов уши Кары зачесались, как от шерстяной шапки.

– Отпустите мою сестру! – заорал Тафф, пытаясь вырваться из рук старой ведьмы.

Близнецы ухмыльнулись и перевернули страницу гримуара. Они выдали поток непонятных слов, ни разу не заговорив в унисон, безукоризненно сплетая одно заклинание на двоих. Крыша дрогнула и загремела, будто клетка с бешеным зверем.

– Что происходит? – невнятно спросила Грейс, когда вокруг неё дождём посыпались щепки и железные скобы. Она обернулась к близнецам. – Вы что делаете?!

Кара почувствовала, как деревянные балки, к которым она прижималась спиной, потеплели, а потом и вовсе исчезли – взмыли в небо. Кара повернула лицо навстречу падающему снегу и увидела, что крыша зависла над ней, хлопая костлявыми стропилами, точно дракон-марионетка крыльями, и глядит вниз одиноким, пристальным глазом, возникшем на месте трубы. Невзирая на весь свой ужас, Кара поневоле восхитилась изяществом этого новорождённого создания: казалось, будто крыша до сих пор лишь дремала в своей неодушевлённой форме, а теперь возвратилась в своё естественное состояние. Кара попыталась проложить к ней мысленный мостик, но безуспешно, и напряглась, в полной уверенности, что драконокрыша сейчас спикирует на неё. Однако вместо этого тварь спланировала куда-то за дом и там рухнула, разлетевшись в щепки.

«Не могут близнецы создавать ничего по-настоящему живого, – подумала Кара. – Только уничтожать могут».

Теперь, когда её ничто не держало, она взлетела над домом.

Она слышала, как Тафф отчаянно зовёт её, но вскоре его крики заглушил свист ветра. Она тщетно крутилась и выворачивалась, но, как воздушный шарик без ниточки, была не в силах остановить свой подъём. Дом становился всё меньше и меньше. В тусклом свете ламп далеко внизу Кара разглядела, как близнецы одновременно хлопнули в ладоши.

И она полетела к земле.

Сердце бешено колотилось у неё в груди – она стремительно проваливалась сквозь метель. Кара отчаянно дрыгала ногами, ища опору, но какая уж тут опора! Она ухитрилась развернуться в воздухе как раз перед тем, как увидела пол чердака, приближающийся с тошнотворной быстротой. Кара выставила руки и… замерла всего в нескольких дюймах над ним.

Задыхаясь, она повернула голову и увидела, как близнецы злорадно хлопают в ладоши, издавая отрывистое бульканье, похожее на смех, из которого выскребли всякую радость.

– Ну перестаньте же! – со слезами на глазах взмолился Тафф. – Отпустите её!

Близнецы вскинули руки.

Кара снова устремилась вверх, ещё выше и быстрее, чем прежде. Она использовала магию, призывая на помощь всех крылатых существ, до которых могла дотянуться. Стаи бывших поблизости птиц принялись биться в фиолетовый барьер, окружающий дом, пытаясь помочь, но не в силах до неё добраться.

Она рухнула. И взмыла снова.

«Они играют со мной, – думала Кара, пытаясь успокоиться. – Только и всего. Они не причинят мне вреда по-настоящему. Они не могут этого сделать. Риготт я нужна живой».

Однако когда Кара в очередной раз упала, – на этот раз почти коснувшись носом досок пола, – она заметила, как сёстры обменялись чуть заметными строптивыми кивками. Судя

по всему, они намеревались воплотить заранее оговорённый ими план: мол, мало ли что нам приказали – эту девчонку мы в живых не оставим!

И то, что Кара нужна Риготт, уже не имело для них значения. Близнецы, снедаемые завистью, твёрдо решили её убить.

На этот раз она поднималась медленно-медленно, как будто сестрицам хотелось смаковать миг своего торжества как можно дольше. Кара обшаривала глазами чердак в поисках чего-нибудь, – хоть чего-то, – что могло бы ей помочь. Вдруг она заметила, что на неё смотрит кто-то ещё, кого тут раньше не было: средних размеров пёс с рыжим в чёрных пятнышках мехом. Вместо суставов у него были шестерёнки, а во взгляде – весёлое предвкушение, такое, будто у Кары в руке мячик и она выбирает подходящий момент, чтобы его бросить. Его хвост, равномерно ходивший из стороны в сторону, был похож на перевёрнутый маятник от часов.

– Врестой? – окликнула Кара.

Близнецы хлопнули в ладоши, и магия, что удерживала Кару в воздухе, испарилась. Она снова полетела вниз: на этот раз стремительнее прежнего, будто её тянули на незримой верёвке. Близнецы скрестили руки на груди, подтверждая то, о чём она и так догадывалась: на этот раз они её останавливать не собирались.

– Врестой! – заорала Кара. – Говори!

Йонстафф вздыбился на задних лапах, широко раскрыл

рот и издал звук, вовсе не похожий на лай – скорее на удар гигантского колокола, отбивающего забытый час.

И мир замер.

4

За те недели, что Кара с Таффом провели, сочиняя историю про Врестоя, они немало спорили о том, что будет, если время и вправду остановится. Тафф, уверенный, что у всякой магии есть свои ограничения, полагал, будто природа станет заниматься своими делами, как ни в чём не бывало: всё так же будет дуть ветер, всё так же падать снег. И только люди – и, возможно, животные – замрут неподвижно, как статуи. Кара, со своей стороны, допускала, что вообще всё застынет на месте, словно картина, и лишь те, кто использовал заклинание, сохранят способность двигаться.

Оба они ошибались.

Окидывая взглядом чердак с высоты нескольких футов, повисшая в воздухе Кара видела, что текущий момент не то чтобы совершенно застыл, а словно бы запутался в сети, которая позволяла чуть-чуть шевелиться, но не давала вырваться на свободу. Муха зависла в воздухе, но крылышки у неё подёргивались. Снежинка вибрировала, точно задетый камертон. Тело Таффа застыло, но губы разинутого рта трепетали в немом крике. И воздух гудел от закольцованных звуков, повторяющихся снова и снова, сделавшихся неразличимыми, слившимися в единый гул, похожий на жужжание насекомых.

Врестой тихонько пыхтел, вывалив язык, и смотрел на Кару, слегка склонив голову набок. Хвост-маятник, видимо, регистрировавший движение времени, остановился и застыл.

– Хорооший мальчик! – произнесла Кара.

Врестой горделиво напыжился. Кара слышала у себя в голове слабый шёпот, как будто йонстафф пытался с ней разговаривать, но слов не различала. Мысленный мостик оказался достаточно крепок, чтобы привести Врестоя в этот мир, и всё же их по-прежнему разделяло непреодолимое расстояние.

– И как же мне теперь отсюда выбраться? – пробормотала Кара себе под нос.

Она задрыгала ногами, замахала руками, пытаясь плыть в воздухе. Ей удалось развернуться на месте, но дотянуться до земли она так и не смогла.

Врестой смотрел, как она трепыхается. Собачья морда выглядела насмешливой.

Кара подумала, что, возможно, эти невидимые узы порвутся, если дёрнуть как следует. Она ухватилась за столб, который раньше поддерживал крышу, подтянулась поближе – и оттолкнулась что было сил. Она пролетела по воздуху – и остановилась рывком, будто собака на слишком коротком поводке. Спустя ещё несколько попыток, Кара обнаружила, что всякий раз у неё получается отлетать всё дальше, словно магия, удерживающая её на месте, начинала слабеть. И вот наконец на шестом толчке что-то где-то лопнуло, и Кара с размаху грохнулась на деревянный пол.

Девочка перевернулась на спину, потирая левый локоть, и обнаружила прямо перед собой карие глаза Врестоя.

– Привет! – улыбнулась ему Кара.

Йонстафф смотрел на неё – ему явно было интересно, что этот забавный человек станет делать теперь.

«Тафф!» – подумала Кара.

Тафф застыл на середине прыжка – за миг до того, как время остановилось, он всё же сумел вывернуться из рук старой карги. Бабка тянулась за ним, на её руках, оплетённых сизыми венами, виднелись глубокие царапины и несколько укусов.

– Тафф! – крикнула Кара, встряхнув его за плечи. – Тафф, очнись!

Но лицо Таффа по-прежнему оставалось искажённым всё

тем же жутким воплем – пока Врестой не лизнул его руку.

Глаза у мальчика тут же открылись, и он упал на пол.

– Ой! – воскликнул он, поспешно сев и потирая затылок. – Что за фигня?!

– Сработало! – воскликнула Кара. – Заклинание сработало! Мы остановили время!

И указала на Врестоя, чтобы пояснить свою мысль.

Тафф разинул рот.

– Это он, что ли?..

Кара кивнула.

– Врестой, это Тафф. Тафф, это Врестой.

Тафф расплылся в ослепительной улыбке и крепко обнял йонстаффа.

– Ты мне жизнь спас! – воскликнул он.

Кара увидела, как хвост-маятник дрогнул, словно Врестой боролся с неудержимым желанием им повилять. «Но хвостом ему двигать нельзя, пока время не пошло». В сочинённой ими истории этого не было, но, как уже выяснила Кара, когда наколдовала Джейбенгука, во время магического перехода от воображения к реальности многие мелкие детали меняются.

Тафф встал и огляделся.

– Вот это да-а! – воскликнул он. Судя по тому, как восторженно он взмахнул руками, возможно, Тафф это даже крикнул, но его голос в этом подвешенном мире звучал как-то приглушённо, как будто через закрытую дверь. – Я хочу ска-

зать, ты и раньше делала всякие невероятные штуки, но сейчас ты и в самом деле остановила время!

Он подошёл к одной из близняшек и заглянул ей в глаза. Колдунья так и стояла, насупившись и глядя исподлобья.

– Как ты думаешь, она меня видит? – спросил он.

– Сомневаюсь.

Но Тафф всё равно показал ей язык.

– Не надо баловаться с застывшими людьми, – сказала Кара. – И я же не в одиночку это сделала. Это заклинание мы создали вместе.

– Да, наверное… – Тафф пожал плечами. – Но без твоей магии это была бы просто сказка. Так что я-то, на самом деле, ничего особенного не сделал.

Тафф уже не в первый раз преуменьшал свои заслуги. Помощь брата была бесценна, но ему всё казалось, что то, что он делает, – это пустяки.

«Надо будет с ним поговорить, но позже, – подумала Кара. – А то, кто его знает, сколько ещё протянет это заклинание». Обычно, когда Кара строила мысленный мостик, он возникал навсегда, и она могла воспользоваться им снова в любое время. Но этот, что соединял её с Врестоем, казался непрочным, как полузабытый сон. В любой момент он мог окончательно рассеяться, разрешив времени продолжать свой бег.

– Идём, – сказала Кара, развернулась и чуть было не налетела на ведьму с каштановыми волосами, у которой подёр-

гивался нос, словно она застыла перед тем, как собиралась чихнуть. Кара обогнула её и принялась пробираться мимо прочих фигур, расставленных по чердаку. Врестой тихонько шлёпал следом.

– Надеюсь, мы сумеем преодолеть барьер, – сказала Кара, рассуждая вслух. – И надо будет ещё разбудить Дарно и Тенепляску. И припасы наши забрать. А то без еды мы далеко не…

– Кара! Ты ничего не забыла?

Тафф стоял рядом с Грейс. Глаза у неё были закрыты. Кара впервые в жизни видела, чтобы Грейс выглядела по-настоящему спокойной.

– Не можем же мы взять и бросить её тут, – сказал Тафф. – Они её убьют, как только время снова пойдёт вперёд.

– Что будет с Грейс – это не наши проблемы.

– Отчасти и наши тоже, – возразил Тафф. – Послушай, я ненавижу Грейс, как никто, но…

Кара подбоченилась и пристально посмотрела на братишку. «Да ну?»

– Ну, почти как никто. Но ведь она же нам и правда помогла! Она вернула папу, как и обещала, и если бы Грейс нас не предупредила о приходе близнецов, ты бы ни за что не успела сотворить заклинание!

– Ну да, и что теперь? – спросила Кара. – Просто возьмём её с собой? Ты же не думаешь всерьёз, что ей можно доверять, а?

Тафф покачал головой.

– Доставим её в какое-нибудь безопасное место, – ответил он. – А там разойдёмся каждый своей дорогой.

Кара выдохнула сквозь зубы. Да, оставить Грейс тут равносильно убийству. Но, с другой стороны, путешествовать вместе с ней, пусть даже недолго, означает подвергать себя множеству лишних опасностей…

«Никогда ничего не бывает так просто…» – подумала она.

– А потом, – продолжал Тафф, – ты же слышала, что она говорила. Она больше не владеет магией. Ну чем она может быть опасна?

Просмеявшись, Кара подозвала Врестоя и поднесла к его морде холодную руку Грейс. Йонстафф лизнул её ладонь. Грейс дёрнулась и очнулась – как будто пробудилась от кошмара.

И первым делом вытерла руку о рубашку.

– Тьфу ты! – возмутилась она, отпихивая Врестоя. – Откуда здесь эта шавка?

Тут Грейс осознала, как всё вокруг изменилось, и её голубые глаза изумлённо расширились. Она обернулась к Каре с разинутым ртом.

– Это всё ты?!

Кара пожала плечами.

– Да нет, в основном Врестой.

– Ну ладно, – сказала Грейс, покосившись на йонстаффа. – Врестой, значит… И надолго оно всё так застыло?

– Не знаю.

– Значит, надо пользоваться, пока есть возможность!

Грейс наклонилась, достала кинжал из ножен за голенищем и подошла к ближайшей из двойняшек.

– Ты что делаешь?! – спросила Кара.

– Что надо, то и делаю, – ответила Грейс и вскинула кинжал.

Кара перехватила её руку.

– Нельзя их убивать! – сказала Кара.

– Почему это?

– Они же беззащитны.

– Так это же и есть самый подходящий случай их убить! Неужели ты так ничему и не научилась? Они будут приходить за тобой снова и снова, если их не остановить прямо сейчас. Это разумно, и ты это понимаешь.

– Убивать нельзя, – ответила Кара.

– Ты что думаешь, эти ведьмы нас бы пощадили, будь они на нашем месте?

– Нет, конечно. Но именно этим мы от них и отличаемся. Задай себе вопрос, Грейс: какая ты ведьма? Скорее как они – или как я?

Грейс посмотрела на Кару, на близнецов, снова на Кару. Удручённо вздохнула.

– А что, других вариантов нет? – спросила она.

– Ты нам помогла, – сказал Тафф. – Ты не стала бы этого делать, не будь в тебе добра. Где-то там, в глубине души.

Он призадумался и уточнил:

– На самом донышке.

Грейс со стоном спрятала кинжал обратно в ножны.

– Не очень-то это практично, быть добрым, а? – заметила она.

Дарно они нашли на улице перед домом. Его зубы были жутко оскалены, он преграждал путь трём ведьмам. На кончике пальца средней из них искрилась чёрная молния, застывшая в воздухе. Врестой пробудил Дарно, и волк, уверенный, что он всё ещё в бою, яростно клацнул зубами на ничего не подозревающего йонстаффа, прежде чем Кара успела его успокоить.

– Всё хорошо, – сказала она, ухватив волка за уши и глядя ему в глаза. – Я тут. Ты в безопасности.

В одном месте шерсть у Дарно слиплась от крови. Кара поискала рану, но с облегчением обнаружила, что кровь не его, хотя на левом боку чернел ожог. Зазубренное жало на конце скорпионьего хвоста было ещё влажным – как видно, волк успел пустить его в ход.

Кара увидела нескольких ведьм, неподвижно лежащих в снегу. У неё сложилось впечатление, что, когда время продолжит бег, эти всё равно останутся лежать.

– Спасибо, что защищал меня, – сказала Кара.

Дарно посмотрел на неё странно, лизнул небольшую ранку на лапе.

«За что спасибо-то? Ветер дует. Солнце восходит. Им тоже спасибо?»

– Это же разные вещи, – ответила Кара. – Ты мог бы и сбежать, но рисковал жизнью ради меня.

«Не разные. Солнце светит и греет. Я защищаю Девочку-Ведьму. Как и все мы».

Проигнорировав ядовитое замечание Грейс, брошенное Таффу: «Она что, всё время так сама с собой разговаривает?» – Кара пересекла двор. Висящие в воздухе снежинки обтекали её тело и возвращались на своё место, когда она проходила мимо, как бывает, когда проходишь сквозь дверь с портьерами. Кара остановилась перед барьером, окружавшим дом. Вблизи он смотрелся ещё более впечатляюще: фиолетовая, полупрозрачная стена, казалось, доставала до самых звёзд. Однако на ощупь он оказался вполне преодолимым: когда они прошли сквозь него, он растянулся, как тянучка, и рывком сомкнулся за спиной. Они забрали из конюшни Тенепляску и вышли на большак. Кара с Грейс ехали верхом на кобыле, Тафф – на Дарно.

– Что у тебя с волосами? – спросил Тафф у Грейс.

– Вшей подцепила, – ответила она, проведя ладонью по щетине. – Пришлось состричь. А что у тебя с носом?

Тафф озабоченно схватился за нос.

– Ничего, а что?

– Ну, значит, ошибочка вышла, – пошутила Грейс. – Так какие у нас планы-то? Ехать и ехать, пока не рухнем от уста-

лости?

Тафф расплылся в улыбке и принялся рассказывать:

– Есть один человек, который застыл во времени, и мы собираемся у него узнать…

– Наши планы тебе ни к чему, – перебила Кара, хлопнув братишку по спине. – Когда время двинется дальше, мы с тобой пойдём разными путями.

– Можно и так, – сказала Грейс. – Видит Клэн, мне и самой не очень-то хочется оставаться с вами. Но я не уверена, что это будет разумно.

– Почему же? – спросила Кара.

– Потому что мы могли бы помочь друг другу, – ответила Грейс.

– Нам твоя помощь не нужна.

– Но вы её уже приняли. Дважды. Я отменила заклятие, лежащее на вашем отце, как и обещала. И вот сегодня тоже.

– Это далеко ещё не сравняло наши счёты, Грейс.

– Я знаю, Кара. Я не могу изменить всё то, что я сделала. Просто… – тут она понизила голос до робкого шёпота, – просто Мир – место странное и пугающее. Тут столько всего, что я не понимаю. И он такой огромный! Кажется, можно идти и идти, и так и не дойти до конца.

Кара ощутила неуместное сочувствие к этой хрупкой на вид девочке. Несмотря на все их различия, они были неразрывно связаны общей родиной, а это значит, что Кара прекрасно понимала переживания Грейс.

– Здешние люди не называют его «Мир», – вполголоса пробормотала Кара. – Они зовут его «Сентиум».

– Сентиум? – переспросила Грейс.

– Нам это поначалу тоже казалось странным, – добавил Тафф. – Но потом привыкаешь.

– Мне не хватает Де-Норана, – спустя несколько секунд произнесла Грейс. – Там всё было намного проще!

– Потому что ты была дочкой фен-де Стоуна и могла делать всё, что захочешь, – буркнула Кара.

– Ну да, конечно, – сказала Грейс, как будто бы это само собой разумеется. – Но дело не только в этом. Де-Норан – мой дом!

Она скрестила руки на груди и выпятила подбородок, на секунду сделавшись похожей на себя прежнюю.

– И рано или поздно я туда вернусь! Теперь, когда Тимофа Клэна больше нет, народ Де-Норана будет в восторге, узнав, что их законная предводительница вернулась.

Кара только головой покачала, не веря своим ушам. «Неужто Грейс не помнит, как терроризировала всю деревню? Они её ни за что не простят!» Но, разумеется, Грейс никогда не смотрела на дело с такой точки зрения. Она была просто не способна задуматься о том, что чувствуют другие люди, кроме неё.

– У меня для тебя плохие новости, – отрезала Кара. – Перед тем, как покинуть остров, Тимоф Клэн уничтожил твою ненаглядную деревню. Де-Норана больше нет, возвращаться

некуда.

Грейс ничего не ответила. Оглянувшись через плечо, Кара обнаружила, что глаза у неё блестят от слёз.

– Значит, видимо, кроме вас двоих, у меня никого не осталось, – печально улыбнулась она. – Странная штука жизнь, а?

Лицо у Таффа смягчилось, и он хотел было сказать что-то утешительное, но Кара зыркнула на него и покачала головой: не смей, мол! Дома, в Де-Норане, Грейс умело напрашивалась на сочувствие деревенских своим несчастным видом и жалобными вздохами. Именно так она скрывала свою подлинную натуру, и Кара не собиралась покупаться на эти старые уловки.

«Она что-то задумала! – решила Кара. – Чем быстрей мы от неё избавимся, тем лучше».

И тем не менее даже она не могла не заметить, какой хрупкой и сломленной выглядит сейчас Грейс.

«А вдруг она и в самом деле пытается измениться? Если я просто возьму и брошу её, кем я буду после этого?

Да не валяй дурака! Стоит ей довериться, она тебя предаст в ту же минуту».

– А это что такое? – спросил Тафф.

Кара сощурилась, пытаясь разглядеть силуэт, темнеющий во мгле, но увидела только тёмное пятно. Однако что бы это ни было, оно было высокое.

– По-моему, это башня, – сказала Грейс. – И ещё странная

такая на вид. Как песочные часы.

Кара с Таффом понимающе переглянулись.

– Мы же ехали этой дорогой, когда направлялись к той ферме, – сказала Кара. – Но я не припомню здесь никакой башни, ни странной, ни даже самой обычной.

– Потому что она появляется только тогда, когда время останавливается! – просиял Тафф. – «Язычник, застывший во времени». Наверное, это он!

– Кто – он? – спросила Грейс.

Кара не ответила и пришпорила Тенепляску.

5

На пустынной дороге было сравнительно незаметно, что время остановило свой привычный ход. Падающая ветка, зависшая в воздухе, птицы, парящие в небе, точно чучела в мастерской таксидермиста[2], да одинокий путник, замерший внутри чёрного экипажа, точно в гробу. Если бы не башня

[2] *Таксидермист* – специалист по изготовлению чучел зверей и птиц.

Песочных Часов, что теперь отчётливо проступила на горизонте, могло бы показаться, что ничего особенного не происходит: просто ночь выдалась очень тихая.

– Может, остановимся передохнуть? – предложил Тафф, зевая и потягиваясь. – А то, может, этот Кверин хороший человек, а может, и наоборот…

– Да, отдохнуть мне бы не помешало, – созналась Кара.

По правде сказать, она была в изнеможении. Поддерживать связь с Врестоем оказалось куда сложнее, чем она ожидала. Мысленный мостик между ними постоянно грозил обвалиться. Каре пришлось пожертвовать ещё четырьмя воспоминаниями просто затем, чтобы сделать связь попрочнее. Никогда раньше ей это делать не приходилось.

«Когда создаёшь животное из ничего, действуют иные правила, – рассуждала она. – Врестой не принадлежит реальному миру – вот почему его так трудно тут удерживать».

И от того, что Риготт, по-видимому, ничего не стоило управлять Нирсуком, мысль о борьбе с ней представлялась ещё более безнадёжной.

«Ну, этого следовало ожидать, – думала Кара. – Риготт – двухтысячелетняя вексари, она обучалась магии в Сейблторне. А я – тринадцатилетняя девчонка, которая сама не понимает, что делает».

Они развели костерок у дороги. Пламя, застывшее во времени, не полыхало, как обычный костёр, но грело ничуть не хуже. Тафф пристроил голову на бок Врестоя, и вскоре маль-

чик и йонстафф сладко заснули. Но Кара спать не стала. Она была почти уверена, что заклинание Врестоя будет действовать и тогда, когда она спит, но «почти» не считается, так что спать она боялась.

Кроме того, она тревожилась из-за Грейс.

«Что же она затевает?»

Грейс как будто услышала Карины мысли и посмотрела в её сторону. Её голубые глаза сверкали, словно кристаллы нездешнего мира.

– Что, щенок так и продрыхнет всю ночь? – спросила она.

– Да я вообще удивляюсь, как он сумел заснуть, – ответила Кара. – Ему до сих пор снятся кошмары с твоим участием.

– Как мило!

– Это не комплимент.

– Да, это ясно. Но всё равно, приятно вспомнить.

Кара не могла сказать, шутит она или всерьёз. Грейс проговаривала каждое слово очень отчётливо, так, будто обращалась к невидимым зрителям – и Кара часто не понимала, что же она имеет в виду.

– Ну, так ты собираешься мне объяснить, зачем мы едем в эту башню Песочных Часов? – спросила Грейс.

– Нет.

– А как насчёт этого Кверина, которого то и дело упоминаете вы с Таффом? Ты не можешь хотя бы в общих чертах…

– Нет.

Кара смирилась с тем, что её долг – доставить Грейс в без-

опасное место, но доверять ей она по-прежнему не желала. Их планы следовало держать в тайне.

– Почему ты избавилась от гримуара? – спросила Кара.

– То есть ты на мои вопросы отвечать не должна, – сказала Грейс, – а я на твои должна. Так получается?

– Да, – ответила Кара. – Так почему ты от него избавилась?

– Я же тебе говорила. Потому что это зло.

– Раньше тебе это не мешало.

– Теперь всё иначе. Я же знаю, каково там, в Колодце Ведьм. И что будет со мной, если я снова туда попаду.

– Безликие? – спросила Кара, вспомнив стражей Колодца с их бумажными телами и кошмарными масками.

– Они ждут! – прошептала Грейс, испуганно выпучив голубые глаза. – И на этот раз ты уже не придёшь, чтобы помочь мне бежать. Меня сделают одной из них!

Она ощупала своё лицо, словно затем, чтобы убедиться, что оно по-прежнему её собственное.

– Чудовищем!

Кара своими глазами видела, какой ужас внушают Грейс Безликие, так что не могла не признать, что определённая логика в её словах присутствует. Грейс действительно сделает всё, чтобы только не превратиться в одно из этих существ.

«Всё-всё? И даже от магии отречётся?»

– Тебе страшно, – сказала Кара. – Потому ты и избавилась от гримуара. Ты знаешь, что стоит тебе начать пользоваться

магией и остановиться ты уже не сможешь. И тогда ты рано или поздно окажешься среди Безликих, это лишь вопрос времени.

– Молодчинка, Кара! – насмешливо фыркнула Грейс, сложив пальцы домиком. – Будь тут наставник Блэквуд, ты бы наверняка заработала золотую звёздочку! Ну да, я и в самом деле боюсь пользоваться магией. Тебя это радует?

– В тебе меня ничто не радует.

Грейс повозилась под одеялом и развернулась лицом к Каре. Без волос она выглядела совершенно другим человеком. Но презрительная кривая усмешечка осталась прежней.

– А тебе не приходило в голову, что это гримуар заставлял меня делать всё, что я творила? – спросила она.

– Грейс, я знала тебя до того, как ты стала ведьмой. Ты всегда была злая.

– Почему? Потому что я тебя доставала, да?

– Нет, дело не только…

– Ну да, я была не самой приятной девочкой в Де-Норане. Сознаюсь. Но если бы не гримуар, я бы никому зла причинять не стала. Я не виновата, что магия – зло!

– Магия – не зло, – возразила Кара. – Магия больна.

– Что ты имеешь в виду?

Она и сама точно не знала. Это Минот Дравания, директор школы Сейблторн, говорил ей, что с магией что-то неладно. И с тех пор Кара не раз обдумывала бессонными ночами то, что он сказал напоследок, перед тем как она вошла

в квет-нондру: «Магия больна. И, подозреваю, именно тебе предназначено её исцелить».

– Я встречала людей, которые боролись с влиянием гримуара, – сказала Кара, пренебрегая вопросом Грейс. – Они старались оставаться хорошими. Но не ты. Ты приняла зло целиком и полностью.

– Ну и что я должна тебе на это ответить? – спросила Грейс. Она стиснула руки, изображая молитвенный жест: – «Ах, мне так стыдно, что я убивала людей! Их лица до сих пор мерещатся мне по ночам, когда я ложусь спать! Я так ужасно переживаю из-за этого!» Ну и какой в этом толк?

– Это показало бы, что ты человек.

– А я не обязана ничего доказывать! Тем более тебе!

Грейс отвернулась и уставилась на мерцающее пламя. Кара потёрла виски. Мысли болтались в голове беспорядочно, как зависшие над костром искры. Своему старому врагу она не доверяла, это точно. Если бы не их верный защитник Дарно, Кара вовсе не сомкнула бы глаз. Может, Грейс и не хочет пользоваться заклинаниями, но зато у неё есть кинжал за голенищем. С другой стороны, она уже дважды им помогала, и где-то в глубине души Кара невольно задавалась вопросом – не следует ли всё же дать ей ещё один шанс. «В конце концов, Мэри-Котелок и Сордус тоже натворили немало ужасного, но ведь они же искупили свою вину!» И кто такая Кара, чтобы судить человека, действовавшего под влиянием гримуара? Она ведь и сама убила мальчика по имени Саймон

Лодер…

Глаза у неё уже слипались, когда Грейс вдруг спросила:

– А чем сказка-то кончилась?

– А?

– Ну та, про Врестоя и Рузена. Близнецы же вас прервали, прежде вы успели закончить сказку, помнишь? Врестой отказывался пойти в город с Рузеном, потому что боялся, что с мальчиком случится что-то плохое, и тогда Рузен посадил его в клетку. Ну а дальше-то что?

Кара понятия не имела, почему Грейс об этом спрашивает, но решила, что проще будет ответить на вопрос, чем собачиться.

– А мы так и не решили. Таффу хотелось, чтобы Рузен осознал, насколько он был не прав, и извинился перед Врестоем. Он ещё не знал точно, как к этому прийти, но последнюю фразу уже придумал: «И с того дня Рузен научился дорожить дружбой с йонстаффом и больше никогда не просил его пускать в ход своё могущество».

– Ну а ты?

– А я считала, что это неправдоподобно. Потому что Рузен жадный и эгоистичный. Некоторые люди просто не меняются.

– Ну он же в бедности вырос. Понятно, что ему хотелось денег.

– Нет, конечно, это всё логично, но… наступает момент, когда тебе приходится самому прокладывать свой собствен-

ный путь.

Кара закрыла глаза, сон уже почти сморил её.

– Ну а ты? – невнятно проговорила она. – Какой конец выбрала бы ты?

– Я не уверена, – ответила Грейс. – Не решила ещё.

Очнувшись ото сна, Кара сразу поняла, что что-то не так. Саднящий разум казался вывороченным наизнанку, как будто кто-то порылся в её мозгу. Кара потянулась было к Врестою, чтобы проверить связь между ними – и ахнула от изумления.

Мысленный мостик треснул чуть ли не в десяти местах. Он давно бы должен был обвалиться, но какие-то чёрные создания, смахивающие на пиявок, примостились между трещин, не давая ему распасться. Наверное, Каре стоило бы их благодарить – в конце концов, если бы, пока она спала, заклинание подвело и время тронулось дальше, близнецы бы их обнаружили, – однако единственное, что пришло ей на ум, в связи с этими существами – слово «зараза».

«Вы кто такие?» – подумала Кара.

Одна из пиявок раскрыла рот, похожий на крохотный роток улитки, и Кара болезненно дёрнулась: сразу несколько моментов и образов помимо воли были вырваны из её памяти и проглочены целиком.

«Вот папа придерживает мои крохотные ручонки на рукоятке пилы, и мы вместе пилим доску, чтобы сколотить скво-

речник. Вот Лукас глядит на меня, срывая с ветки грушу, и я забываю, что собиралась сказать. Вот мама…»

Всё это исчезло, кануло, пропало.

Кара стиснула виски ладонями. Казалось, будто кто-то прямо изнутри выскребает её разум зубчатой ложкой. Это напомнило Каре тот день, когда они с мамой вырезали тыквенные фонарики к празднику.

И стоило этому воспоминанию всплыть в памяти, как и оно тут же было украдено.

Пасть пиявки захлопнулась, она утолила свой аппетит. На время.

– Кара! – окликнул Тафф. Голос у него испуганно дрогнул. – С тобой всё в порядке? Что случилось?

Кара осознала, что её голова лежит на коленях у братишки. Она понятия не имела, когда это произошло.

– Теперь всё в порядке, – сказала Кара. – Мне только надо немножко передохнуть.

– Слишком много магии, как я и говорила, – заключила Грейс. – Вот я же знала, что ты недостаточно могущественна для таких заклинаний!

Грейс горделиво улыбалась, будто ученица, правильно ответившая на особенно сложный вопрос. Она обвела взглядом их стоянку, словно ища кого-то, кто способен оценить её воображаемую победу.

– Она права, да? – спросил Тафф. – Ты в самом деле использовала слишком много магии?

Кара кивнула.

– Ну да, вроде того. Мысленный мостик, ведущий к Врестою, не такой, как обычно. Он более… алчный. И он отбирает воспоминания независимо от того, хочу я этого или нет.

Тафф громко ахнул.

– Но это же опасно!

– Что, правда опасно? – переспросила Грейс, скорее с любопытством, чем с тревогой.

– Слушай, отмени ты это заклинание, – сказал Тафф. – Придумаем какой-нибудь другой способ…

– Всё будет нормально, – ответила Кара.

– Не можешь же ты всё делать сама!

– А мне и не надо, – сказала Кара, подняв руку и погладив его по щеке. – У меня ты есть.

– Ну да, конечно! – ехидно вставила Грейс. – От этого щенка столько пользы! Я хочу сказать, если бы не он…

Несмотря на свою слабость, Кара так зыркнула на Грейс, что та тут же умолкла.

– Она права, – вздохнул Тафф, опустив глаза. – Что я могу, на самом-то деле?

– Ты самый умный мальчик на свете! – сказала Кара. – Без тебя мы бы никогда не зашли так далеко. А теперь помоги-ка мне встать, малыш. Нам нужно добраться до той башни. И быстро.

Кобыла и её хозяйка немало пережили вместе, и сейчас

Каре не было нужды прибегать к магии: Тенепляска и так чувствовала, что надо спешить. Как только обе девочки сели верхом, лошадка рванулась вперёд. Она галопом неслась мимо торчащих, как штыки, зарослей осоки, мимо рек, застывших безо льда, и клубы пыли вздымались из-под её копыт. Двое других животных старались не отставать. Дарно, чей скорпионий хвост был достаточно длинным, чтобы обвиваться вокруг талии Таффа, точно пояс, по-прежнему сохранял на морде привычное решительное выражение, а вот Врестой уже не улыбался. Он тащился позади всех, вывалив язык. Кара пыталась сообразить, не влияет ли мысленный мостик и на него тоже, как вдруг у неё закружилась голова, и она чуть было не свалилась на землю.

– Спасибо, – выдохнула она: руки Грейс поймали её за талию и удержали в седле.

– Если с тобой что-нибудь случится, – сказала Грейс, – я думаю, есть как минимум вероятность, что я застряну в этом моменте навсегда. Так что, пожалуйста, если собираешься умереть, отложи это на потом.

– Ты такая заботливая, прямо даже трогательно.

По пути она лишилась ещё нескольких фрагментов из прошлого – в основном о своей первой подружке, той девочке, что отказалась играть с Карой после того, как маму казнили. «Туда им и дорога!» – подумала Кара, пытаясь припомнить, как эта девочка выглядела, во что они вместе играли или хотя бы как её звали. Кара знала, что воспоминания

по-прежнему тут, но не знала, как их найти. Это было всё равно, что искать в тёмной комнате осколок обсидиана.

К тому времени, как они доехали до башни Песочных Часов, Кара вообще уже не помнила о том, что у неё когда-то была такая подружка.

– Здоровенная какая! – восхитился Тафф, спешиваясь с Дарно и разминая ноги. – Как ты думаешь, что там внутри?

Кара оглянулась, чтобы убедиться, что Грейс не подслушивает.

– Ответы на вопросы о «Вулькере», – шепнула она.

– Понятно! – так же шёпотом ответил Тафф. Он помолчал. – А что такое «Вулькера»?

– Извини, забыла тебе сказать. Бетани говорила, что так называется гримуар принцессы.

– Ну вообще! – буркнул Тафф, пораскинув мозгами. – Теперь, оказывается, у него ещё и имя отдельное есть. Как будто он и без того был недостаточно жуткий.

Башня была такая высоченная, что шею вывихнешь, пытаясь разглядеть вершину. От земли – к перемычке между нижней и верхней половинами, где в каменной стене виднелась деревянная дверь – протянулась винтовая лестница. В некоторых местах кладка начала рушиться, обнажая глубокие царапины: как будто некий зверь пытался когтями проскрести себе дорогу внутрь.

– Подожди тут, девочка, – сказала Кара Тенепляске, похлопав кобылу по боку. – И ты тоже, – велела она Дарно.

Волк, не обращая внимания на слова Кары, затрусил вверх по лестнице. Его долгом было защищать Кару, нравится ей это или нет.

– Поглядите на Врестоя! – воскликнул Тафф.

Йонстафф прыгал из стороны в сторону – снова бодрый и энергичный. Однако в глаза Каре бросилось не это.

Хвост-маятник Врестоя мотался из стороны в сторону.

– Ничего не понимаю! – растерялся Тафф. – Я-то думал, его хвост движется, только когда время движется!

Воздух вокруг башни оставался застывшим, и их голоса звучали странно приглушённо. Однако позади, на дороге, время явно ожило: шелестела листва, качались ветки. Сова взмыла с макушки дерева и спикировала вниз, чтобы схватить зазевавшегося грызуна.

– Внутри башни Песочных Часов время и так стоит, – догадалась Кара, – а мы, вероятно, находимся достаточно близко, и на нас это заклинание тоже действует. Так что здесь Врестою ни к чему пускать в ход своё могущество.

Однако мысленный мостик между ними по-прежнему держался. И хотя Кара успела полюбить дружелюбного зверя, она понимала, что удерживать его дольше необходимого опасно.

– Ну что, – сказала Кара, – пора нам прощаться!

Она наклонилась, чтобы Врестой мог лизнуть её в нос. Из пасти у йонстаффа пахло утренней росой, в точности как она и воображала. Пока Тафф чесал пса за ухом, Кара встрях-

нула мысленный мостик. Пиявки отпали, и всё сооружение рассыпалось в пыль.

Врестой исчез.

– Жалко, что нельзя было оставить его себе, – вздохнул Тафф. – Он мне ужасно нравился.

– И мне тоже, – сказала Кара.

Стоило им начать подниматься по лестнице, как раздался дребезжащий грохот, словно кто-то тряс решётку огромных ворот, и деревья, поля, небо – всё исчезло, сменившись беззвёздной ночью, простиравшейся во все стороны, насколько хватало глаз.

– Где мы? – спросила Грейс.

– Мы не «где», – поправил Тафф. – Мы «когда».

– Ну хорошо. Так когда же мы?

– Понятия не имею.

Несмотря на темноту, ступеньки было видно вполне отчётливо, как будто башня излучала свой собственный свет. На небольшом клочке земли, что всё ещё продолжал существовать у подножия лестницы, гарцевала очень нервная Тенепляска.

«Мужайся, – сказала кобыле Кара, – я скоро вернусь».

Она очень надеялась, что это правда.

6

Лестница, обвивающая башню, знавала лучшие времена.

Несколько раз детям приходилось перепрыгивать обвалившиеся ступеньки или пробираться по самому краешку. К тому времени, как они наконец добрались до входа, все ужасно вымотались. Колени у Кары тряслись и подкашивались, но она понимала, что её усталость – пустяки по сравнению с тем, каково пришлось Грейс, опиравшейся на палку на каждой ступеньке.

Дверь в башню оказалась открыта.

Воздух внутри был холодный и сырой, как в пещере. Круглый зал освещали факелы: их немигающее пламя давало света ровно столько, сколько необходимо, чтобы разглядеть полки, сплошь уставленные часами. Там были сотни, а может, даже тысячи механизмов всех мыслимых форм и размеров. У большинства имелись часовая и минутная стрелки и обычный циферблат, но некоторые – особенно те, что на верхних полках, – вообще не были похожи на нормальные традиционные часы: золотое кольцо, вращающееся на втором из пяти деревянных валов; песочные часы из трёх отделений, частично заполненные какой-то жижей; пара красновато-бурых коробочек с подписями «ПОТЕРЯННОЕ ВРЕМЯ» и «СЭКОНОМЛЕННОЕ ВРЕМЯ».

– Вот это да! – восхитился Тафф. Он перебегал от одной диковинки к другой: водил пальцем вдоль мерцающего маятника, совал руки по самые запястья в сундук, доверху наполненный серебристыми шестерёночками. Тут было столько всего, что сразу и взглядом не окинешь!

А вот Грейс была далеко не в восторге.

– Ну, – заметила она с сардонической ухмылочкой на губах, – полагаю, тот, кто здесь живёт, всегда знает, который час!

Скрипнула дверь, и в зал вошёл невысокий человечек.

Ростом он был не выше Таффа, но широкие плечи и обветренное лицо выдавали в нём взрослого. Он носил клетчатый жилет поверх безукоризненно-белой рубашки, а аккуратная бородка была напомажена и благоухала имбирём. Длинный нос загибался крючком, глаза были чёрные, как обугленное дерево.

– Извините, пожалуйста, что мы так ворвались, – сказала Кара. – Но дверь была не заперта, и мы подумали, что, наверное, можно…

Человечек перебил её, вскинув палец, и достал из наружного кармана жилета лежавшие там часы. Они выглядели старинными, но очень ухоженными, и были пристёгнуты к нижней пуговке жилета дорогой золотой цепочкой. Человечек привычным движением откинул крышку часов и одобрительно кивнул, как будто бы Кара явилась точно к назначенному времени.

– Извиняться тут незачем, – сказал человечек. Его голос был мягкий, как разогретый мёд. – Я рад, что вы пришли. Эта башня слишком велика для одного коротышки, и иногда бывает приятно услышать ещё чей-то голос, кроме своего собственного.

– Это вы Кверин Финдрейк? – спросила Кара.

Человечек отвесил изысканный поклон.

– К вашим услугам, миледи! – ответил он.

Кверин поцеловал ей тыльную сторону кисти, аккуратно заложив свободную руку за спину. Он потянулся было к руке Грейс, но, увидев с каким отвращением она смотрит, передумал.

– Чтобы сюда попасть, требуется весьма непростая магия, – сказал Кверин. Разговаривая, он не смотрел в глаза – вместо этого его взгляд перемещался из стороны в сторону, словно он наблюдал за движением невидимого маятника. – Я в восхищении. Однако же останавливать ход времени – не то, чем стоит заниматься в вашем возрасте, даже такой могущественной вексари, как вы, Кара.

– Откуда вы знаете моё имя?

– Это же моя работа – знать.

Он указал по очереди на каждого из них.

– Ваш брат – Тафф, ваша… спутница – Грейс Стоун.

Он не без опаски взглянул на Дарно.

– Вот тут я не уверен, кто… или что…

– Его зовут Дарно, – сказала Кара. – Вы не бойтесь, он не тронет.

«Если ты не прикажешь», – подумал Дарно.

«Веди себя прилично!»

– А вы волшебник? – спросил Тафф.

Кверин улыбнулся, сверкнув золотым нижних резцов.

– Зависит от определения, – ответил он. – Как вы, наверное, знаете – раз уж вы меня нашли, – я живу намного дольше любого обычного человека. Так что да, я немного разбираюсь в магии. Но в основном я считаю себя просто честным мастеровым.

Кара вежливо кивнула, хотя поневоле вспомнила, как мама говаривала: «Если человек называет себя «честным», как правило, честным его не назовёшь».

– Ну, довольно обо мне, – произнёс Кверин и жестом пригласил их проходить. – Вид у вас довольно голодный. Идёмте со мной в Перекошенный зал. Продолжим разговор за обедом.

– Ура! – воскликнул Тафф, который всё то время, что они поднимались по лестнице, жаловался на пустой желудок.

– Благодарю за предложение, – сказала Кара, – но время уходит, а я думаю, что вы, возможно, могли бы нам помочь. Мой папа говорил…

– Тише, дитя, тише, – ответил Кверин. – В башне Песочных Часов время никуда не идёт. И вам торопиться некуда. Вы вернётесь в реальный мир в тот самый миг, когда вы его покинули.

Кара посмотрела на Таффа – тот умоляюще стиснул руки; на Грейс, которая равнодушно пожала плечами…

– В таком случае, мы с удовольствием отобедаем с вами, – улыбнулась Кара. – Спасибо за гостеприимство.

– Пожалуйста, пожалуйста! – отвечал Кверин, провожая

её вглубь башни. – Меня тут так редко навещают! И если уж ко мне заехали гости, я постараюсь извлечь из этого всё, что возможно.

Перекошенный зал оказался и в самом деле перекошенным. Ходить по нему было всё равно, что по склону крутого холма. На противоположных концах высились деревянные двери. На первый взгляд Каре показалось, будто они целиком испещрены царапинами, но пока Кверин собирал на стол, она успела изучить нижнюю дверь получше и обнаружить нечто совсем иное.

Это были имена.

Надписи разных размеров и вида, от аккуратно выведенных (*АЛЕКСАНДРА, ДЖУЛИАН*) до накорябанных явно неопытной рукой (ТУЛА – печатными буквами, ДЖЕŇМС с Ň вместо Й). В большинстве случаев на дереве было вырезано только имя, но временами к нему прилагалась и фамилия тоже. А некоторые вообще были написаны буквами, которых Кара не знала.

– Не нравится мне это, – сказала Грейс.

Кара кивнула.

– И я в кои-то веки с тобой согласна.

– Ну, люди иногда вырезают свои имена на деревьях просто так, для забавы, – отметил Тафф. – Может, и тут так же?

– Сомневаюсь, что всё так просто, – ответила ему Кара.

– Почему?

– Потому что просто так ничего не бывает.

Кара навалилась на дверь всем телом. Дверь не шелохнулась. На ней не было ни дверного молотка, ни ручки. Однако прикоснувшись к ней, Кара ощутила нечто, какую-то дрожь, вибрацию, которая пробрала всё тело до самых костей. Грейс толкнула дверь ладонью. Они с Карой переглянулись, и поняли друг друга без слов: «Там, за дверью, какая-то мощная магия».

К тому времени, как вернулся Кверин с подносом, нагруженным разнообразными кушаньями, все трое отошли к столу в центре зала. С одной стороны ножки у стола были подпилены, чтобы он стоял ровно на наклонном полу.

– А что это за имена написаны там, на двери? – спросила Грейс, не успел Кверин поставить поднос на стол. – Даже для человека, который живёт один в башне, это довольно странно.

– Грейс! – прикрикнула на неё Кара. – Давай не будем задевать нашего хозяина.

– Я же просто спросила. Если он обиделся – я тут ни при чём. И к тому же, если это имена его жертв или ещё что-нибудь, чем раньше мы об этом узнаем, тем…

– Грейс!!!

Грейс надулась и скрестила руки на груди.

– Можно подумать, тебе самой это в голову не приходило!

– Эти двери ведут в верхнюю и нижнюю части башни, – объяснил Кверин, накладывая им рагу и отрезая толстые

ломти хлеба.

– А имена? – спросила Кара.

– Кушайте, кушайте, – сказал Кверин, протягивая Каре дымящуюся миску. – Вы же, наверное, ужасно проголодались.

Каре не понравилось, как Кверин уклоняется от ответа, но рагу она всё же взяла.

– Спасибо большое, – поблагодарила она. – Я знаю, это не очень прилично, но можно ещё одну порцию, для моего волка?

Кверин развёл руками и улыбнулся.

– Меньше всего мне хотелось бы видеть у себя дома голодного волка!

Кара поставила угощение перед Дарно. Скорпионо-волк тщательно принюхался и принялся лакать. Если бы еда была отравлена или заколдована, Дарно наверняка почувствовал бы это и предупредил бы её.

– А вы осторожная, а? – заметил Кверин, одобрительно улыбаясь Каре. И положил себе в рот внушительную ложку рагу. – Оно совершенно безопасное, видите?

– Извините, – сказала Кара, смущённая тем, что Кверин разгадал истинную причину, отчего она накормила Дарно первым. – Просто мы то и дело встречаемся с людьми, которые хотят нам зла.

– Да я понимаю, отчего вы так осторожны, – сказал Кверин. – Но тут вы можете чувствовать себя как дома. Вы в

безопасности. Я просто хочу помочь.

Кара принялась есть. Рагу оказалось какое-то сладковатое, но в остальном довольно вкусное. Кара откладывала в сторону кусочки мяса – она утратила вкус к плоти мёртвых животных с тех пор, как обрела могущество.

Кверин отложил ложку и опёрся подбородком на сцепленные пальцы.

– Вот вы смотрите на эту величественную башню, затерянную во времени, и, верно, умираете от любопытства, что же за человек сделал возможными подобные чудеса, – начал он. – Вам какую версию, короткую или длинную?

– Мне бы лучше правдивую, – ответила Кара.

– Тогда, значит, короткую, – кивнул Кверин. – Менее приукрашенную. Известна ли вам история того, как были созданы четыре области Сентиума?

Кара вспомнила, как дедушка Лукаса наставлял их по дороге из Наева Причала к станции свупа, и ответила:

– Две тысячи лет назад король Пента, одолев ведьм, решил построить мир заново. Он вымарал из исторических книг любые упоминания о магии и похоронил под землёй Сейблторн, школу векcари. Потом он разделил королевство на четыре части, каждая из которых специализировалась в своей области знаний: Ильма, Катт, Люкс и Аурен.

Грейс выглядела совершенно растерянной, и Кара поневоле ощутила некоторое самодовольство. Дома, в Де-Норане, у дочки фен-де Стоуна всегда был готов верный ответ для на-

ставника Блэквуда, а сама Кара даже руку поднять боялась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.